

М. И. Ш А Х Н О В И Ч

О С В Я Т О Й
И С П О В Е Д И

О Г И З ~ 1 9 4 0 ~ Г А И З

М. И. ШАХНОВИЧ

О «СВЯТОЙ ИСПОВЕДИ»

(ИСПОВЕДЬ НА СЛУЖБЕ ШПИОНАЖА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1940

$\frac{2}{18-31}$ доб 2:32

Автор показывает на ряде примеров, как церковная исповедь служит средством угнетения и порабощения трудящихся.

Особенное внимание уделено вопросу об использовании исповеди в шпионских целях.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЛИСА ИСПОВЕДЫВАЛА ПЕТУХА

Тяжела и безрадостна была жизнь трудящихся в царской России.

Бессильные в борьбе против эксплуататоров и угнетателей, трудящиеся искали утешения в религии, в этом опиуме народа, превращавшем их в покорных, смиренных рабов капитала. Эксплуататорские классы поэтому всеми мерами поддерживают и насаждают религию, подавляя любыми средствами, в том числе с помощью кнута и тюрем, малейшую попытку угнетенных и обездоленных людей разорвать путы религии, которая освящает все мерзости строя эксплуатации человека человеком.

В народе всегда был жив протест против церкви и ее обрядов.

Из старинной грамоты царя Алексея Михайловича мы узнаем о безучастном отношении многих крестьян к религии, «о хладности и невнимательности» к таинству покаяния: «Ведомо нам, великому государю, учинилось есть — некие именуются еще православные христиане, а о душах своих нимало попечения не имеют... И многие в совершенных летах — в тридцати и в сороках и в пятидесяти и выше, а иные долготерпением божием и до старости дошли, а покаяния еще не приняли». В 1650 г. царь Алексей Михайлович писал воеводам, что «в городах, в селах, в деревнях христиане живут без отцов духовных, многие и умирают без покаяния, а о том нимало не радеют, чтобы как исповедать грехи свои».

В архивах и музеях сохранилось много старинных документов, которые свидетельствуют о том, что раньше было немало бесстрашных «ослушников», отказывавшихся исполнять церковные обряды, итти на исповедь к священникам. В начале XVIII в. епископ астраханский Лаврентий доносил о том, что в его епархии многие уклоняются от исповеди. В XVIII в. число отказавшихся исповедываться было так велико, что царским

властям пришлось даже ввести специальную систему штрафов за «небытие у исповеди».

Народная ненависть к исповеди нашла свое отражение в устных произведениях широких трудящихся масс—в фольклоре.

В русском народном творчестве встречаются сатирические произведения, высмеивающие идею религиозного покаяния, «благочестивую жизнь» лукавых исповедников-попов и монахов. В начале XVII в. русский народ создал замечательную

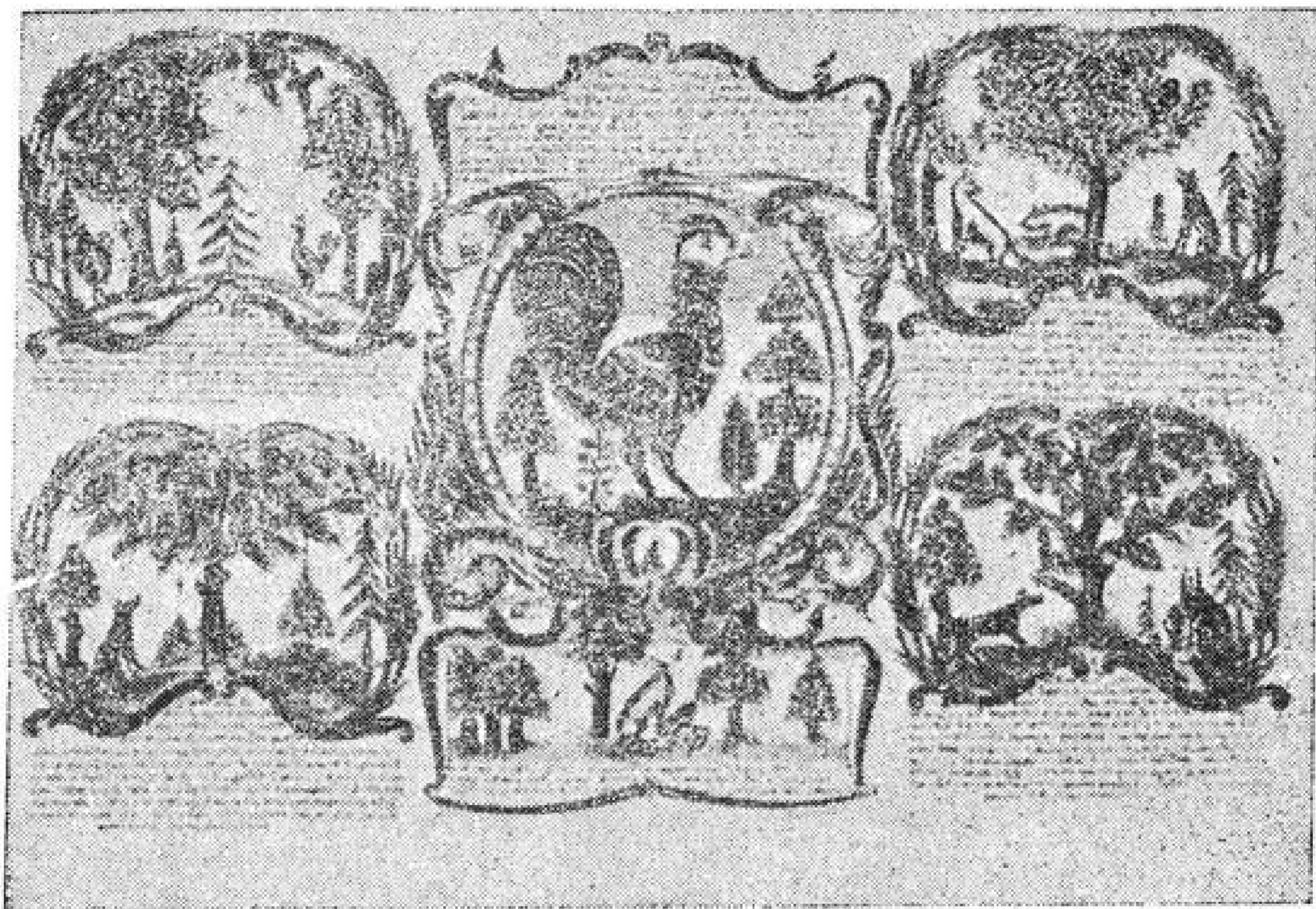

Рис. 1. «Повесть о куре и льстивой лисице-исповеднице». Старинная народная картинка

сатиру на таинство покаяния — «Историю о прекрасном куре доброгласном, как он прииде на покаяние к лисице, к премудрой духовнице». Эта старинная повесть о том, как льстивая лиса исповедывала петуха, сохранилась в стихах и в прозе она известна в сказках и в лубочных картинках, о ней есть упоминание в одной рукописи сороковых годов XVII в. как о «баснословном, нечестивом» сочинении. Собиратели русских сказок часто записывали эту «повесть о куре и лисице» у различных сказочников Севера и Украины, что показывает большую популярность повести.

Больше двухсот лет живет в народе сатира о курице и лисице, направленная против церковной исповеди и попов. Содержание сатиры таково.

Однажды петух, живший у одного небогатого человека, стал сокрушаться о своих грехах. Он решил убежать от мира в пустыню, чтобы там одному пребывать в раскаянии. Петух попал в лес, где стал жить на дереве. «Стоит древо высоко и прекрасно, а на том древе сидит кур доброголосый». К сидящему на высоком дереве петуху подползает «преподобная мати-лисица» и приглашает петуха спуститься к ней и принести покаяние в своих тяжких грехах. «Ты, мое милое чадо куря, — говорит лиса, подражая попам, — хочешь во гресех своих тяжких умереть без покаяния. Горе тебе, окаянный куря, ходишь ты на земле без покаяния и не ведаешь, в какой час смерть придет». Лиса зовет петуха на молитву, ссылается на евангельскую притчу о гордом фарисее и смиренном мытаре: «Сниди ко мне, к преподобной жене лисице, и аз тя приму на покаяние с радостью, и приемлешь от меня прощение грехов своих». Умиленный петух спускается на землю и попадает в лисьи когти. Лиса начинает исповедывать петуха, корит его текстами из священного писания за многоженство: «Ты, лихой человек, злодей и чародей, законопреступник, держишь ты у себя много жен, по двадцати и по тридцати и больше». На это петух отвечает другим текстом из священного писания: «О сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитесь велии, то будете наследницы царствия небесного». Лисица упрекает петуха в ненависти к «брату своему», в том, что к ней, голодной, у него не было жалости, когда он помешал лисе украсть у крестьян курицу. Петух отвечает евангельским текстом о невозможности служить двум господам. Он ссылается на заповеди блаженства, на апостола Петра и царя Давида, предлагает взятку — устроить на службу к крутицкому митрополиту: «Звал меня, госпожа моя лисица, крутицкий митрополит в поддьяки. И ты, госпожа моя лисица, отпусти меня и аз стану давать тебе оброк из году в год. А буде пожелаешь сама во власть иттить, и поставлю я тебя в чин в просвирнической. И тебе будет добро кануны молить, госпожа моя, сладкие, а просвиры мягкие, а приходу очень много, а будешь есть сахар, а пить сладкий мед». Но хитрая лиса не соглашается и «сконча живот» петуха: «О, мати моя лисица, то ли мне от тебя праведное покаяние». Сатира заканчивается антипоповской шуткой об обирательстве духовенства: «Петуху вечная память, попу корова, дьячку кувшин браги, а просвирне кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублей в кошну, а кто слушал, тому

по калачу, а кто не мешал, тому ничево», «попу—курицу, дьякону—лисицу, пономарю—серого зайку, а просвирне хлопше—зайца уши».

Эта сатира полна свободомыслия. В ней героиня-исповедница—лукавая «мати лисица», воюющая у крестьян кур. Лиса зовет к покаянию, убеждает «святыми словами», а сама таит замысел съесть петуха. Лиса и петух издеваются над текстами «священного писания», показывая, что библия — как «дышло, куда повернул, туда и вышло». Особенно остро звучит

Рис. 2. «Исповедь». Старинная немецкая карикатура. «Чем мы греховные такие стали, что к волку нас на исповедь погнали?»

насмешка в речи петуха, который евангельским текстом оправдывает многоженство. Петух предлагает за отпущение грехов выплачивать оброк. Он говорит, что приглашен в крутицкий митрополичий дом, намекая на существовавшую в XVII в. в Москве певческую капеллу. Церковное наказание за грехи заключается в том, что лиса съедает петуха. Смысл сказки состоит в том, что кто идет на исповедь, тот попадает в когти лисы.

В устной народной передаче у сказочников эта сатира имеет еще более яркое антипоповское содержание.

Лиса говорит петуху: «Эх, уже тридцать лет я мясного не вкушаю, не бывать тебе в пресветлом раю, не пивать из медной чаши», «каждый год на исповедь ходят, а ты ни один раз в год на исповедь не ходишь, воскресенья христова и праздников господних не чтишь». Народная сказка в устном варианте заканчивается победой петуха. Лиса, соблазненная его взяткой, обещанием сделать ее просвирней у митрополита, когда петух будет там дьяконом, выпускает петуха: «Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закричал-завопил великим гласом: «Дорогая, боярыня просвирня, здравствуй, велик ли доход, сладки ли просвиры?». Пошла лисица в лес, яко долгой бес, и взрыда горько: «Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты отроду не видала. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы в просвирнях?».

Эта народная сатира на таинство покаяния была настолько

острой, что еще двести лет назад благочестивые ханжи с гневом и ненавистью писали о ней. Еще в 1783 г., при издании сборника сказок «Старичок весельчак» из рукописи были выброшены все наиболее сильные сатирические места: цитаты из священного писания, рассказ лисы о своей благочестивой жизни в посте и молитве, о том, что у нее куры живут в «епитимьях», пребывают в посте, упоминания о даре пророчества у лисицы, ее обещание, что петух после покаяния окажется «со святыми на небе», рассказ лисы, как она молится за грехи петуха, просьба петуха принести «патрахель, ризы и свечи», молитва петуха, когда он увидел истинный замысел лисы, и т. д. Даже в 1870 г. царский цензор Вакар протестовал против опубликования А. Н. Афанасьевым этой сказки о лисе-исповеднице.

Многие народы создавали сказки, пословицы и поговорки против исповеди. Встарину у немцев была распространена народная картинка, на которой изображался волк в одежде духовника, выслушивающий исповедь овцы. Над волком была надпись:

«Чем мы греховные такие стали,
Что к волку нас на исповедь погнали?».

Откуда же взялся обряд церковной исповеди?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСПОВЕДИ

Католические и православные священники утверждают, что исповедь, как средство очищения верующего от грехов, есть исключительное установление христианской церкви. Изучение же обрядов и обычаев древних народов показывает, что исповедь в грехах существовала за много тысяч лет до появления христианства и что очищение от грехов было хорошо известно древним языческим религиям.

В Америке, в государстве Перу инки готовились к исповеди несколько дней, соблюдали посты, каялись в грехах особым лицам, которые назначали верующим наказания соответственно их проступкам: суровый пост, отшельничество, бичевание и т. д.

Исповедь у инков совершалась в открытом месте на воздухе. «Грешник» приносил с собой разноцветные зерна маиса. Эти зерна обозначали его грехи. Зерна перемалывали, муку клали на полированный камень, и грешник садился против исповедника. «Слушайте, скалы, окружающие меня, моря, птицы,—воскликнул кающийся,—я буду признаваться в своих

грехах». Затем шло перечисление грехов, за которые исповедник назначал наказание, и грешник сдувал с камня разноцветную муку, что должно было означать очищение от грехов. Иногда исповедь кончалась омовением грешника в реке или источнике, сожжением одежды кающегося. В некоторых местах грешник приносил с собой охапку сена или травы, обозначающую его грехи, и после исповеди плевал в нее и бросал в огонь или реку, прося, чтобы они унесли далеко его грехи. Главными грехами считались: непочтительное отношение к богам, несоблюдение праздников, неподчинение властям, участие в борьбе против них, кража маиса и картофеля и т. д. Если селение посещало какое-нибудь бедствие, то инки, чтобы избавиться от него, прибегали к дополнительной исповеди.

В древних религиозных книгах индусов проповедывалось: «Человек согрешивший, чем с большей искренностью исповедует свой грех, тем более освобождается от греха, как змея от своей кожи». В Индии жрецы-брахманы, чтобы внушить угнетенным массам спасительность исповеди, рассказывали такую сказку: «Красавица Драупади имела пять братьев, царей Мадур. Один из ее братьев однажды пустил стрелу в заколдованное дерево и сбил чудный плод, который мог питать человека целый месяц. Дерево это принадлежало могучему волшебнику. Он обещал проклясть братьев, если плод не вернется назад на дерево. Братья узнали, что единственный путь спасения — полное исповедание грехов, совершенных в течение всей жизни. По мере того как каждый из них будет исповедываться, плод станет подниматься в воздух, пока не вернется назад на дерево вышиной в шесть локтей. Когда братья сознались во всех своих грехах, плод поднялся на пять локтей вверх. Остался еще один локоть. Очередь дошла до красавицы Драупади. Когда после долгих упрасиваний она исповедалась и плод окончательно приблизился к дереву, то оказалось, что он не прикрепляется к ветке. Драупади что-то скрыла на исповеди. Пять братьев со слезами умоляли ее раскаяться, и тогда она призналась, что хотела утаить грех, совершенный в мыслях. Как только она рассказала свой грех, плод сразу прикрепился к той самой ветке, на которой висел прежде». Эта древняя сказка показывает, что у индусов задолго до появления христианства существовала вера в могущество исповеди, что им внушалась необходимость исповедываться даже в грехах, совершенных в мыслях. Если сравнить молитвы исповедной книги индусов-брахманов «Нитта-Карма» с христианскими молитвами, то обнаруживается поразительное сходство. «Прости мне все грехи,—говорит индус,—которые я совершил во вре-

мя ночи, мыслями, словами, действиями, грехи, которые я совершил против ближнего обидой, ложным свидетельством, прости мне грехи всех родов, которые я совершил днем или ночью».

Таинство исповеди было хорошо известно древнему миру. В Греции во время совершения таинства в честь бога Орфея и богини Деметры Элевсинской участники таинства исповедывались.

В храмах финикийского бога Адониса и римской богини Венеры жрецы также исповедывали верующих. Эти древние служители культов носили на плечах ключи, указывавшие на то, что они хранят тайны исповедывавшихся у них людей.

Во многих современных религиях также встречается обряд исповеди. В Китае, когда там был император, он, исполняя обязанность жреца, совершал исповедь. Император брал кусок шелковой материи, на котором писал свои «добрые и злые дела». После этого он клал кусок материи на медное блюдо и сжигал его. Сжигая запись своих грехов, император предполагал, что он тем самым уничтожает грехи, как огонь — кусок материи. В Тибете ламаисты и сейчас имеют своего духовника, перед которым исповедуются в грехах. Как только кающийся произнесет: «Я согрешил», духовник отпускает ему все грехи. Итальянский ученый Петтацони собрал описания обряда исповеди у многочисленных племен и народов мира. Эти описания заняли два тома.

Почти у всех первобытных и древних народов можно разыскать какой-нибудь след исповеди, можно найти колдунов и жрецов, которые руководили отпущением грехов. Таинство исповеди — обряд, присущий не только христианству; он пережиток, остаток от религиозных обрядов древности.

Почему же возник обряд очищения от грехов? В глубокой древности люди, бессильные в борьбе с природой и боявшиеся ее грозных стихий, считали, что все несчастья и бедствия — это наказание духов за нарушение различных запретов и законов. Чтобы спастись от этих наказаний, люди считали необходимым освободиться от грехов, которые, по их мнению, представляют собой материальное вещество, нечто нечистое, опасное, связанное со страшными духами, могущими навлечь на человека несчастье, нанести ему большой вред. Поэтому необходимо было выбросить эту нечисть, сжечь, потопить или переложить ее на кого-нибудь, вообще уничтожить греховность.

Каких только не было колдовских способов избавления от грехов! У индейцев чироки участники какого-нибудь дурного дела бросали свою одежду в реку, убежденные, что этим они

освобождаются от своих грехов. Жители островов Индийского архипелага один раз в году выбрасывали свои грехи в океан. Они изготовляли лодку, наполняли ее пищей и затем пускали в море, полагая, что она унесет все их грехи, могущие породить болезни и беды.

Древние люди думали, что можно свалить свои грехи на растения и животных.

Кто не называл человека, который принимает на себя все беды, «козлом отпущения»? А едва ли многие знают, откуда пошло это выражение. У верующих евреев есть специальный праздник иом-кипур — день очищения и искупления грехов. В древности в этот день совершался обряд, о котором в Библии рассказывается так: «И от общества сынов израилевых пусть возьмет первосвященник двух козлов... И возложит... обе руки на голову живого козла и исповедает над ним все беззакония сынов израилевых и все преступления их, во всех грехах их, и возложит их на голову козла и отошлет с нарочным человеком в пустыню. И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую» (Левит, XVI, 5—22).

Старинные книги раввинов (еврейских попов) — талмуд — рассказывают, что во время совершения этого древнего обряда в иерусалимском храме люди с нетерпением ждали скорейшего отправления козла в пустыню и, вырвав у него клочки шерсти, кричали: «Возьми наши грехи и уходи, возьми и уходи». Козел, приведенный в пустыню, низвергался с высокой скалы в пропасть. В этот момент красная лента, привязанная к скале, должна была будто бы побелеть, что означало прощение богом грехов. Такой способ очищения от грехов был весьма распространен среди многих народов. Так, например, в Восточной Африке, у племени акикуйу, все грехи переносят на козла.

Позднее у евреев вместо перенесения грехов на «козла отпущения» установился обычай «каппоры» (очищения, искупления). Вечером накануне судного дня мужчина берет в правую руку связанного петуха (предпочтительно белого), а женщина — курицу и описывают ими три круга над головой, полагая, что от этого все грехи перейдут на птицу. «Пусть это будет моим искуплением, моей жертвой и заменит меня, — говорит верующий, — этот петух пойдет на смерть, а я обрету счастливую, долговечную и мирную жизнь». Потом птицу бросают под стол, что должно означать: бери на себя все мои грехи, а сам ступай к чорту. «Каппора», заменившая «козла отпущения», имеет такое же значение, как и другой обычай — «ташлих». Во второй день нового года перед вечерней молитвой верующие идут к речке и вытряхивают перед ней карманы,

освобождаясь таким образом от грехов. Известно, что и у индейцев был обычай ежегодно очищаться от грехов на берегу реки, чтобы тем самым смыть их с себя и уничтожить.

Если люди верили, что их грехи можно переложить на животных, то само собой они считали возможным переложить их и на другого человека. Древние люди считали, что если возможно передать вещь одного человека другому, то точно так же можно отдать и свои грехи кому-нибудь из людей. Когда-то в древней Греции в праздник таргелий приносили в жертву преступника; сначала его водили по всему городу, где, как думали, он впитывал в себя всю нечисть, затем убивали, труп сжигали, а пепел бросали в море. Как только появлялась морозная язва или другие бедствия, греки приносили в жертву мужчину или женщину. При звуках музыки их водили по улицам и затем бросали в огонь. Посредством этого обряда греки пытались очиститься от грехов и умиловить грозных богов.

В Африке, в Ониче (на реке Нигере) каждый год приносили в жертву двух людей, чтобы они унесли с собой все грехи. 27 февраля 1858 г. англичанин Д. Тэйлор присутствовал во время такого жертвоприношения. Жертвой была женщина 19—20 лет. Ее волочили по земле, а следовавшая за ней толпа кричала: «Развратница!». Целью этой процедуры являлось избавление от грехов; жертва как бы вмещала в себе все грехи и преступления людей.

У некоторых народов существовал обычай приискивать человека, на которого можно было бы переложить грехи тяжело больного или умирающего. В Траванкоре, в Индии, когда раджа (царек) опасно заболел, его приближенные разыскивали брахмана, который согласен был бы за сумму в десять тысяч рупий взять на себя грехи больного. Он входил в помещение раджи, брал его за руку и, пожимая ее, приговаривал: «О, монарх, я беру все твои грехи и все твои болезни». Брахмана, нагруженного грехами больного, высылали из страны с запрещением когда бы то ни было в ней появляться. У верующих евреев также существовал обычай продажи грехов. Так, еще в 1928 г. в г. Минске один верующий больной заключил договор на продажу своих грехов другому человеку. «Я, нижеподписавшийся гр. З. Е., продал гр. Х. за 5 руб. все грехи, сделанные мною от 13 лет. В течение этого года имею право расторгнуть договор, заплатив 10 руб. З. Е.».

Одним из наиболее распространенных способов очищения от грехов было произнесение их вслух в присутствии всего племени. Если человек нарушал какой-нибудь запрет племени и тем самым, по словам колдунов, подвергал племя опасности

расправы со стороны духов, то необходимо было избавиться от греха, изгнать его, извлечь наружу, как бы выплюнуть грех. Это колдовское изгнание грехов, произнесение вслух их перечня и было одной из древнейших форм современной исповеди. Для того чтобы изгнать грех, он должен был быть обнаружен и произнесен на исповеди.

Поэтому исповедь сопровождалась жестами, которые должны были изображать выбрасывание греха, изгнание его из тела грешников. После исповеди часто совершалось омовение грешника, сожжение всяких предметов, изображавших грехи. Нередко к исповеди прибегали как к средству, обеспечивающему улов рыбы или хорошую охоту, так как боялись, что грехи могут помешать. Так, например, за восемь дней до выезда в море на промысел китоловы малагаси исповедывались друг другу в грехах. Если за кем-либо числилось много грехов, то пока он от них не очищался, ему запрещался выход в море, чтобы он не испортил улова. У эскимосов во время голода колдун объявлял, что виноват грешник, который должен был исповедываться в грехах. Колдуны внушали верующим, что они являются посредниками между духами и людьми и поэтому перед ними нужно исповедываться в грехах.

У многих племен колдуны призывают к исповеди во время мора, эпидемий, затмений солнца и т. д. В случае длительной засухи или эпидемии бечуаны в Африке громко исповедываются во всех грехах, которые могли, по словам колдунов, помешать дождю, навлечь болезни и т. д. У различных племен к исповеди наиболее часто прибегают в случае болезни, при тяжелых родах.

Бессилие древних людей в борьбе за существование, их беззащитность перед грозными стихиями природы заставляли верить, что засуха, эпидемии и другие бедствия являются наказаниями за нарушение воли духов и богов. Люди верили, что для освобождения от этих наказаний надо исповедываться в своих грехах.

В древности этой верой в спасительность исповеди пользовались колдуны, а потом жрецы, чтобы закрепить свою власть и поддержать гнет рабовладельцев. Всякое нарушение табу (запрета) племени, неподчинение велениям колдуна и вождя, а впоследствии — рабовладельческой власти считалось причиной какого-нибудь бедствия.

В классовом обществе представление о грехе получило новое содержание. Грехом в первую очередь стали считать нарушение классово-эксплуататорской морали. Трудящимся жрецы и попы внушали и внушают, что эта мораль — от бога и, чтобы не

впасть в соблазн, надо молиться, каяться, смиряться перед богатыми и сильными, не покушаться на установленные богом порядки. Для борьбы с «греховностью» используется весь аппарат государства в классово-эксплуататорском обществе; ведь главная функция такого государства — держать в узде эксплуатируемое большинство.

Для этой цели используется также возникший еще у дикарей обряд исповеди. В христианской церкви исповедь и покаяние служили и служат одним из наиболее сильных средств держать массы в страхе и покорности перед властью угнетателей.

ПРАВДА О КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСПОВЕДИ

Одним из коварных орудий властолюбивого римско-католического духовенства была тайная исповедь.

Во времена раннего христианства обряд покаяния совершался публично. Исключения допускались для женщин во избежание огласки их грехов, чтобы спасти их от позора, преследований мужей и для того, чтобы легче было побороть женскую стыдливость. Грешники исповедывались перед епископом в присутствии всего духовенства и верующих. Глава общины — епископ распоряжался небесной благодатью и имел право судить, причем на суде заседателями были пресвитеры, судебными приставами — дьяконы. Епископ тут же назначал грешнику наказание во искупление вины.

Таинство покаяния было могучим дисциплинарным орудием в руках древнехристианской церкви, которое позволяло епископу постоянно наблюдать за поведением и поступками членов общины.

Когда христианские общины разрослись и епископам стало слишком трудно выслушивать каждого члена общины на собрании всех верующих, они завели особых помощников, принимавших признания в мелких грехах и назначавших за них наказания. В конце III в. стали назначать особых пресвитеров-духовников, к которым постепенно стали обращаться не только женщины, боявшиеся раскрытия своих тайн, но и мужчины, не желавшие огласки грехов, совершенных ими.

Обряд тайной исповеди возник в монастырях, где настоятели в целях дисциплины заставляли послушников и монахов ежедневно исповедываться в грехах, совершенных не только делом, но и мыслью. В монастыри нередко приходили исповедываться и многие миряне, святоши и ханжи, подражавшие монахам. С укреплением влияния монастырей исповедь со

всем ее монастырским чином исповедания была перенесена на все остальное население. Настоятели заставляли крепостных крестьян, принадлежавших монастырю, исповедываться им во всех своих думах и чаяниях, чем крепко держали крестьян в подчинении и покорности. Чтобы принудить верующих к исповеди, епископы создали учение, согласно которому верующий, признаваясь в своем грехе священнику, исповедуется как бы самому богу, от которого и получает прощение. Могущество церкви основывалось встарину не только на политической и экономической ее силе, но и на утонченном духовном терроре, который держал массы в вечном страхе перед потерей рая и запугивал их грозными наказаниями в аду. Так возникла христианская тайная исповедь, духовники и поповское отпущение грехов.

Тайная исповедь была окончательно установлена и возведена в закон главой католической церкви — римским папой Иннокентием III на четвертом Латеранском соборе в 1215 г. С тех пор она верно служила эксплуататорским интересам католической церкви, власти и могуществу римских пап. Исповедальня стала сильнейшей крепостью римской церкви, опорой ее влияния и могущества. Католическое духовенство добилось общеобязательности и принудительности исповеди. Уклонявшихся от нее ждали тяжкие наказания. Латеранский собор постановил, что врач, приглашенный к больному, должен прежде предложить больному исповедаться, а потом уже приступить к лечению. Это постановление было подтверждено указом папы Пия IX в 1869 г.

Когда церковь стала в Европе сильной политической и экономической организацией, значение тайной исповеди, как могучего средства порабощения масс, как орудия утверждения господства религии, еще более увеличилось. Верующий должен был сообщать церкви все свои тайные дела и помышления, намерения и планы.

Какую власть над собой давал он этим в руки церкви! Церковь в лице духовника проникала в сокровеннейшие тайны семейного быта. Благодаря «святой» исповеди церковь знала государственные тайны, подчиняла себе правительства и дворы, даже иногда управляла князьями и королями.

Какое значение имела для церкви тайная исповедь, видно из слов одного духовника испанского двора, который закричал на какого-то надменного придворного: «Кто ты предо мной? Я каждый день держу в руках твоего повелителя, а твоя королева лежит у меня под ногами».

Исповедь позволяла контролировать умонастроения людей,

держат их в узде, заниматься шпионажем и сыском. Уже в XIII в. епископское предписание в Германии о содержании исповедных вопросов показывает, что они носили шпионский характер. Согласно этому предписанию, надлежало «у крестьян спрашивать о воровстве, главным образом, об утайке десятины и первых плодов, податей, взносов, земельных повинностей, а также о нарушении меж и захвате чужой земли, а также о налогах и поджогах. У батраков, воловодов, работников, пастухов и иных подобных людей пусть спрашивает священник, верно ли блюли они имущество господ своих, верно

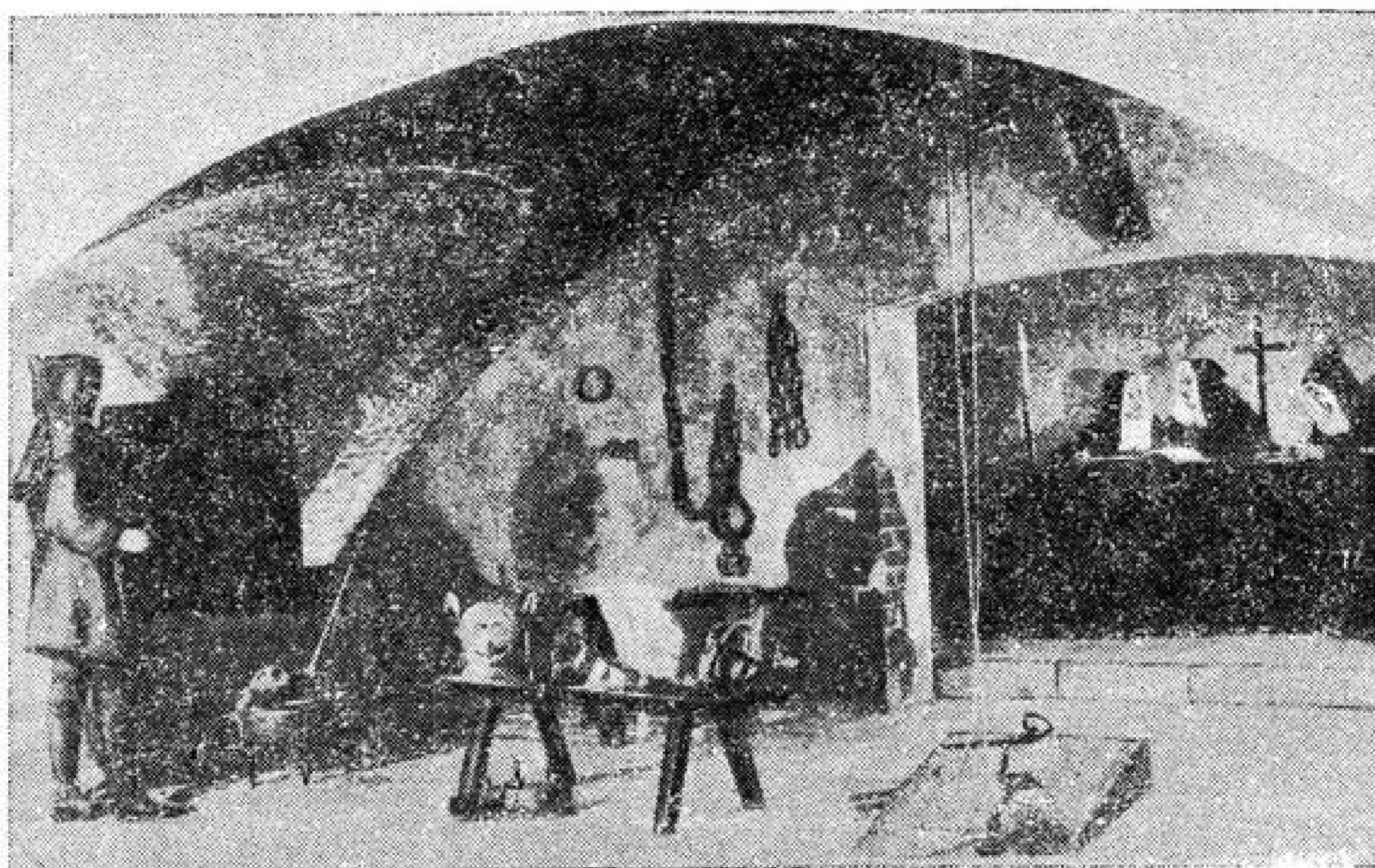

Рис. 3. Камера пыток испанской инквизиции в г. Мадриде в XVI в. (Музей истории религии Академии наук СССР)

ли справляли они работы и службы, на них возложенные». Эти правила представляют собой законченную систему сыска под видом исповеди.

Исповедь была также сильнейшим орудием тайного церковного суда—инквизиции, которая жестокими пытками, огнем, водой, подвешиванием на дыбе, кострами расправлялась встарину со всеми, кто был против католической церкви и власти дворян-помещиков. С помощью исповеди духовенство узнавало и передавало палачам-инквизиторам все, что тем нужно было, чтобы поймать и уничтожить свои жертвы. Благодаря исповеди погиб на костре 17 февраля 1600 г. ученый, философ и

поэт Джордано Бруно, распространявший учение Коперника о движении земли вокруг солнца. Некто Мочениго, у которого скрывался от попов Бруно, сообщил об этом на исповеди духовнику. Священник донес инквизиции о местопребывании Бруно. Папа Павел IV в постановлении от 1556 г. предписывал попам нарушать тайну исповеди для изобличения «еретиков» и даже просто тех, кто читает «вредные книги».

Духовникам предписывалось нарушать тайну исповеди, если это могло быть полезно римскому папе или королю. Если на

Рис. 4. Сожжение в 1600 г. Д. Бруно на костре (с барельефа на памятнике Д. Бруно в Риме)

исповеди священник узнавал о чем-либо важном для церкви, он был обязан донести об этом своему высшему начальству. Духовенство нарушало тайну исповеди не только в интересах защиты и поддержки эксплуататорских классов, но часто просто потому, что само не верило в святость тайны исповеди, прекрасно сознавая, что это только обман. В середине XIX в. кардинал Бональд, архиепископ лионский, указывал в книге «Состояние священнической совести»: «Разве мы по поводу велений,

слышанных на исповеди, не забавляемся друг с другом и даже со светскими людьми и служанками?». В популярном руководстве католических попов «Зеркало священника» сказано: «Не делал ли я себе забавы из вещей, слышанных на исповеди, разговаривая о них с другими священниками или светскими лицами и служанками?».

Из множества фактов нарушений католическими священниками тайны исповеди достаточно сослаться на дело изобретателя книгопечатания Иоганна Гутенберга. В XV в. во время судебного процесса между братьями Дритценами и Иоганном Гутенбергом (по поводу того, что один из Дритценов дал Гутенбергу деньги на создание типографии) большую роль имели показания священника о содержании исповеди умиравшего Дритцена.

Особенно искусно умели использовать исповедь для своих подлых целей лукавые и хитрые монахи-иезуиты.

В тайных наставлениях ордена иезуитов (начало XVII в.) имеется много интересных советов, как с помощью исповеди овладеть сердцем и кошельком верующих. Так, в разделе «О способе овладеть богатыми вдовами» говорится следующее: «Пусть изберут для этого исповедников, отцов преклонных лет, которые имели бы живой характер и отличались умением говорить приятно... Пусть эти исповедники сделают так, чтобы вдовы позаботились устроить у себя в доме часовню или модельню, в которой они могли бы предаваться размышлениям или другим духовным упражнениям. Пусть духовник имеет лишь одну цель — действовать главным образом так, чтобы вдова спрашивала и следовала его совету во всем. Пусть ей советует чаще прибегать к таинству покаяния, при котором она должна будет открыть самые тайные помышления и все искушения, которым она подвергается, со всей откровенностью». Если действовать таким путем ханжества и лицемерия, то, согласно инструкции, можно добиться того, что богатая вдова отдаст свое имущество ордену иезуитов. Орден усиленно добивался назначения иезуитов духовниками королей и князей. В наставлении рекомендуется, когда иезуит исповедует князя, быть с ним ласковым и мягким: «Пусть духовники помнят, что с князьями нужно обращаться мягко и ласково, не раздражая их, не прибегая ни к каким устрашениям их». Этим они добивались того, что их охотно избирали духовниками, и они становились «хранителями» тайн и советниками влиятельных лиц. Исповедь позволяла иезуитам заглядывать в сердца царя, плести сети интриг и заговоров. Содержание исповеди иезуиты сообщали своим начальникам, если полученные све-

дения могли быть полезны ордену: «Когда кто-нибудь сознается на исповеди в тяжком грехе, надо довести о нем до сведения высшего начальства ордена». Там где дело касалось преступлений членов своего ордена, иезуиты были снисходительны: «Если кто-нибудь из наших исповедников услышит от посторонней женщины, что она совершила грех с кем-нибудь из нашего общества, пусть не дает ей отпущения грехов, пока она не скажет имени того, с кем согрешила, и не обещает забыть его имя навсегда».

Исповедь позволяла духовенству накладывать на верующих различные наказания. Встарину кающимся было предписано носить особый покаянный костюм, стричь волосы на голове, соблюдать «пост на хлебе и воде», запрещалось брачное сожителство во время прохождения покаяния и т. д. Попы издеваются над верующими. В Риме в капелле «святая святых» и сейчас имеется лестница, по которой ползают на коленях верующие. Оказывается, что папа Лев IX обещал прощение грехов, совершенных за девять лет, за каждую из двадцати восьми ступеней этой лестницы, если только верующий «с сокрушенным сердцем и воспоминанием о страданиях Иисуса Христа проползет по этой лестнице».

Тайная исповедь была неисчерпаемым источником доходов. Облегчая свою совесть от грехов, верующий облегчал в пользу священника и свой кошелек. С XI в. плата за исповедь стала обязательным и нелегким налогом, который был упразднен католической церковью лишь спустя много времени.

Католическая церковь использовала «отпущение грехов» для пополнения своих бездонных карманов. Казначей папы Иннокентия VIII сказал: «Бог не желает смерти грешника, он хочет, чтобы он жил и платил». Римские папы продавали особые грамоты (индульгенции) об отпущении грехов.

Папа Иоанн XXII, правивший в 1316—1334 гг., ввел целый прейскуронт:

За прелюбодеяние священника с родственницами—67 ливров 12 су. За мужеложство или скотоложство—219 л. 15 су. За грех, содеянный с маленьким мальчиком, — 131 л. 16 су. За половую связь духовного отца с духовной дочерью — 76 л. 1 су. За нарушение супружеской верности — 87 л. 38 су. За растление священником девицы — 2 л. 1 су и т. д.

Индульгенции прощали не только сделанные грехи, но и те, которые человек собирался совершить в будущем. Согласно одному папскому прейскуронту, апостольской таксе грехов, если двое сговорятся убить одного, то получают прощение за 134 лиры 14 сольдо, желающий заблаговременно записаться прощением

за всякое случайное убийство, которое он может совершить в будущем, платит 168 лир 15 сольдо. За убийство отца, или матери, или сестры следует заплатить для прощения 17 лир 14 сольдо 6 динариев. По таксе, установленной римским папой Иоанном XII, священник, желавший изнасиловать девушку, получал отпущение грехов за 2 ливра 8 су; грабеж, кражу и поджог можно было совершать после уплаты 131 ливра 7 су, простое убийство — за 15 ливров 4 су, убийство жены — за 17 ливров 15 су.

Убийцы, воры, грабители, прежде чем совершить преступление, покупали грамоту, чем «обеспечивали» себе райское блаженство. В книге такс по отпущению грехов, изданной в Риме в 1520 г., было сказано: «Прошу вас внимательнейшим образом заметить себе, что церковные милости и отпущение грехов ни в коем случае не должны даваться беднякам, ибо они, не имея чем платить, не должны получать утешения».

В XVI в. в Германии среди продавцов индульгенций особенно славился монах И. Тецель. Он так расхваливал свой товар: «Красный крест, водруженный в храме у ящика с индульгенциями, имеет такую же силу, как крест христов. Покупайте индульгенции! От них становятся чище, чем после крещения, и даже чище, чем был Адам в раю до грехопадения. Наши индульгенции представляют исповедывающимся величайшие возможности. Индульгенция дает полное прощение грехов и освобождает от наказаний господних. Гоните монету! Всякая душа, суцая в чистилице, немедленно взлетит к небу и моментально освободится от наказания, если кто-либо из живых заплатит за нее шесть беленьких. Индульгенция заглаживает все грехи прошлые, настоящие и будущие, вольные и невольные, даже наперед замышляемые. Нет такого греха, который не прикрывался бы индульгенцией. Заплатите за индульгенцию, и вам будет прощен смертный грех даже с божьей матерью. Давайте! Давайте! Гоните

Рис. 5. Испанская индульгенция в виде подошвы дезы Марии

монету! Пользуйтесь случаем. Спасайте ваших родных и близких от чистилища. Читайте, что написано:

«Как только в ящике монета зазвенит,
Душа из ада к небу взлетит».

Великий поэт В. Гете во второй части «Фауста» показал, как церковь своим учением об отпущении грехов вымогала богатства даже у императоров. Архиепископ обещает отпустить императору грехи за «небольшую мзду»:

«Отдай ты гору нам и лес вокруг пространный,
И этот тихий дол с соседнею поляной,
Озера, рыбою богатые, твои
И с гор бегущие прозрачные ручьи,
Все это церкви дай ты в полное владенье:
Тогда, покайся, получишь ты прощенье...
И повели, чтоб храм собирать навеки мог
С окрестностей своих законный свой оброк».

Католическая церковь превратила исповедь в средство шпионажа, а отпущение грехов — в выгодную торговлю «небесной благодатью».

ТАЙНЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСПОВЕДАЛЬНИ

Таинство покаяния использовалось католическими попами не только для бесстыдного грабежа, но и для разврата, уголовных преступлений и для политического сыска. Средневековая народная пословица говорит, что «первым плодом, происходящим от исповеди, является плод утробы».

Еще триста пятьдесят лет назад Марникас фон-Санкт-Альдегонде говорил, что отнять у церкви тайную исповедь значило бы выколоть у нее глаза, так как «эта тайная исповедь для нее имеет ценность пары глаз: одним глазом она пользуется для того, чтобы узнать тайны и все скрытые планы всех королей и правителей, благодаря чему она добилась господства над всеми правительствами. Другим глазом она пользуется, чтобы заглядывать в грудь молодых девиц и опечаленных женщин и мысленно ощупывать их и этим узнавать все их тайны; как часто святые ряски и монахи во время тайной исповеди бесплодным бабенкам давали такие хорошие советы, что они с тех пор привязывались к своим духовникам такой же задушевной любовью, как и к своим собственным мужьям».

В 1879 г. во Франции вышла книжка священника Хиникви «Католическая исповедь и женщина», в которой автор, собравший большой фактический материал, доказывал, что исповедь у

«безбрачного духовенства» — это училище разврата. Он подробно писал о муках, испытываемых католичкой, обманутой своим исповедником, заставляющим ее рассказывать ему, грязному цинику, самые сокровеннейшие мысли, тайны женской души, отвечать на извращенные вопросы сластолюбца в рясе.

Будучи порождением монастырского быта, где монахов-аскетов вечно мучили неудовлетворенные страсти, чин исповеди, как неудачная попытка бороться с монастырским развратом, все свое внимание сосредоточивал на вопросах половой сферы. Покаянные вопросники, составленные применительно к монашеским нравам, были перенесены и в среду мирян. Пространная опись блудных действий, чрезмерная детализация самых разнообразных пороков, описанных очень пластично, все это вызывало у кающихся излишнее любопытство и пробуждало нездоровый интерес к вопросам пола. Исключительные познания попов в области всяких противоестественных пороков объясняются тем, что они были приобретены на основе изучения жизни и быта монахов. Вместо предостережения от разврата эти вопросы наводили на распутные мысли. Священники очень часто задают на исповеди девушкам и женщинам циничные и бесстыдные вопросы, так как церковь требует самого тщательного обследования половой жизни кающихся. Католическая церковь считает, что исповедь недействительна, если были забыты или утаены какие-нибудь подробности, сопровождающие грех: «Подобает духовнику хорошо знать то, о чем он должен судить, — писали церковники, — по сему усердный исповедник, как тонкий следователь, должен искусно, почти хитро, выпрашивать у грешника о всех грехах, которых он за собой еще не сознает или ради стыдливости желает скрыть».

Гнусность вопросов, которые задает духовник на исповеди, часто способствует развращению малолетних, помогает ознакомлению с самыми тайными пороками, обучает такому разврату, которого многие до исповеди не ведали. Духовникам доставляет извращенное удовольствие выпытывать молоденькую девочку о таких вещах, о которых та и не догадывается, и тем самым пробуждать ее темперамент.

Нет такой лжи и наглых приемов, к которым не прибегали бы попы, чтобы добиться превращения женщины в свою рабыню. Чаще всего они пользуются для этого библейскими цитатами, запугивают муками ада, отказывают в отпущении грехов, пока не добьются своего.

Поповские руководства подтверждают, что вопросы, предлагаемые на исповеди, нередко используются для разврата.

В «Зеркале священников» духовников спрашивают: «Не случилось ли тебе во время совершения исповеди говорить или делать что-либо с намерением соблазнить свою духовную дочь?». «Не пользовался ли ты слышанным на исповеди для склонения к греху с тобою духовных детей обоего пола?». «Во время выслушивания исповеди не задавал ли вопросов ради удовлетворения своего сладострастия?». «Не принимал ли ты на себя, или не исполнял ли ты обязанности духовника под влиянием половой невоздержанности?» (стр. 588).

Рис. 6. Леди на исповеди. Английская гравюра XVII в.

Священник Хиникви рассказывает про одного духовника, который в течение своей долголетней практики пастыря исповедывал свыше 1500 женщин и девиц и единственно для того, чтобы развратить их гнусными вопросами, которые задавал. Многие из его духовных дочерей стали жертвами поповского сластолюбия. Одна женщина рассказала Хиникви, как она стала жертвой сластолюбивого попа. После четвертой исповеди священник за два дня перед ее венчанием приказал ей прийти к нему на квартиру, где изнасиловал пришедшую. «После своей свадьбы я находилась в связи с духовником, который стал

другом моего мужа. Он находился в связи с десятками женщин, у которых был исповедником. Когда моя дочь от священника подросла и пошла к нему на исповедь, то он и к ней обратился со своими гнусностями».

Множество церковных соборов специально занималось вопросом о том, как оградить исповедывающихся женщин от покушений похотливых духовников. В 1322 г. Оксфордский собор священников в Англии был вынужден запретить выслушивать исповедь в темных местах. Выносились даже постановления о том, что женщина вправе отказаться от исповеди у «опасного» попа. Однако если этот ее приходский поп не соглашался раз-

решить ей исповедываться у другого попа, то она была обязана пойти на исповедь к нему, «помолившись предварительно богу, чтобы он послал ей силы устоять против его приставаний». В 1560 г. папа Пий IV издал декрет, в силу которого повелевалось женщинам и девицам, которых соблазнили или развратили их духовники, сообщать об этом. В испанском городе Севилье количество женщин и девушек, явившихся с жалобами, оказалось так велико, что хотя жалобы фиксировались тридцатью чиновниками, но записать все было невозможно. Срок продлили еще на тридцать дней. Но и тут оказалось невозможным записать все заявления. Тогда следствие прервали, так как стало ясно, что невозможно было бы наказать все духовенство.

Развращенность духовников доходила до того, что в глубокую старину в Брешии женщина должна была платить исповеднику десятину с супружеских обязанностей.

В монастырях исповедь часто служила прикрытием разврата. В Италии монахиня Генриетта Карачиоло, дочь губернатора провинции Бари, в середине XIX в. написала книгу «Тайны неаполитанских монастырей», в которой подробно рассказывается, как в монастырях исповедь служила целям разврата.

«Фанатическое увлечение и любовь монахинь к священникам и монахам, исповедующим их, превосходит все, что можно сказать об этом. И эта-то любовь делает их заточение сносным, так как ежедневно дает им возможность общения с предметом их страсти».

«Те, которым их духовники кажутся слишком старыми, имеют право выбрать себе духовным наставником монаха по-

Рис. 7. Немецкая карикатура XVII в. на духовников, использовавших исповедь для разврата

моложе, с которым они получают позволение проводить по несколько часов. Если же и этого недостаточно, монахиня может прикинуться больной, а тогда духовник может войти в ее келью и долго оставаться с ней наедине». Генриетта Карачиоло рассказывает, что однажды духовник приходил навещать в монастырь свою молоденькую духовную дочь. Каждый раз, как его призывали к больной, он устраивался так, чтобы ночевать в монастыре, в келье по соседству с мнимой больной, которая перелезала через перегородку, разделявшую обе кровати, и проводила ночь со своим исповедником.

В знаменитом романе Д. Дидро «Монахиня» много ярких страниц посвящено тому, как развратная настоятельница с помощью увещаний соблазняла молоденьких монахинь к гнусному разврату.

Католическая церковь ввела в качестве покаяния бичевание, применявшееся еще в древности язычниками. В средневековых городах Испании, Италии, Франции, Германии двигались большие процессии флагеллянтов (самобичующихся), босых, оборванных с красными крестами на белых хитонах; они бичевали друг друга кожаными плетями до потери сознания.

По улицам расхаживали полуобнаженные женщины и девушки, жестоко бичевавшие себя.

Один из вожаков флагеллянтов монах Доминик проповедывал, что триста ударов заменяют один год покаяния. Вскоре духовенство стало использовать бичевание для наказания грешников после исповеди. В ризнице, за алтарем или просто в доме кающихся духовники давали «уроки» своим чадам. Даже французский король Людовик Святой подвергался после исповеди бичеванию духовника. В Португалии во времена королевы Марии I при дворе действовал отец-исповедник Малагриде. Он заставлял всех молодых придворных дам после исповеди обнажаться и подвергаться бичеванию.

Кардинал епископ остийский Петр Дамиани в сочинении «Похвала бичеванию» проповедывал розги как самый надежный путь спасения души и требовал обязательного обнажения исповедующихся перед священником. Миряне думали иначе. Шарлотта Орлеанская говорила: «Сечь женщин розгами — новый вид разврата, придуманный попами».

В XVI в. в Голландии францисканский монах Корнелий Адриансен организовал в городе Брюгге «союз покаяния». После исповеди голые участницы этого «союза» подвергались бичеванию. В XIX в. капуцинский монах Ахазий организовал такой союз в Германии в Дюрене близ Аахена. После исповеди и бичевания он устраивал развратные оргии. Следствие ском-

прометировало столько знатных женщин, что Наполеон I прекратил судебное дело.

Особенно сильно использовали бичевание для целей разврата иезуиты.

В начале XVIII в. в Европе сильно нашумел известный процесс иезуита-духовника Жирара. Описанию этого процесса посвящено восемь томов. Суть дела состоит в том, что в первой четверти XVIII в. во Франции в г. Тулоне популярный проповедник иезуит Жирар организовал вокруг себя большую группу девушек, которые исповедывались у него. Он так подчинил их себе, что те разрешали ему после исповеди подвергать себя бичеванию, использовать для удовлетворения его изощренного сладострастия. Развратные похождения привели Жирара на скамью подсудимых, но благодаря влиянию иезуитов ему удалось спастись. Дворянский суд выручил иезуита.

В 1925 г. в Ленинграде был разоблачен ксендз-шпион Усас, который, стоя во главе польской миссии, бичевал польских девушек, загнанных религией в лапы ксендза-насильника. Когда ксендза-садиста судил советский суд, папа римский Пий XI взял этого истязателя девушек под свою защиту.

Исповедь, которая должна была будто бы «очищать и спасать человека от блуда», являлась средством для безобразнейшего разврата.

ИСПОВЕДЬ В ЦАРСКОЙ РОССИИ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОВИННОСТЬ

С распространением христианства на Руси сюда проникло и таинство покаяния. В исповеди прежде всего было заинтересовано духовенство. Для попов исповедь была выгодна, она помогала их обогащению: «Требник — поповский хлебник», — говорил народ. Сами попы называли исповедь сенокосом. До 1889 г. в церквах выставлялись специальные блюда для принятия исповедного приношения от исповедывавшихся. Вначале таинство покаяния не было обязательным, так как царская власть не применяла еще широко исповедь в целях сыска. С укреплением же самодержавия, с превращением церкви в часть государственного аппарата обряд покаяния стал обязательным для всех православных, сделался государственной повинностью, соблюдать которую было приказано под угрозой всяких кар.

В XVII в. революционное движение крестьян и казаков, во главе со Степаном Разиным, «медный» и «соляной» бунты

заставляли царское правительство усиливать церковное влияние на массы, настойчиво требовать обязательности исповеди. В XVII в. царь Алексей Михайлович издал такой указ: «А буде которые... на покаяние не пришли, таковых истязать... И таковым ослушникам бесстрашникам нас, великого государя, быть с опалою без всякой пощады». 1 марта 1674 г. был издан другой царский указ: «Великий государь велел сказать вам: ныне приспе время святого и великого поста к покаянию на очищение от грех всем православным христианам, и вы б приходили к церкви божьей... и у отцев своих духовных исповедывались... также и домочадцам своим велели... исповедываться ж, а в соборе и по приходским церквам указал великий государь досматривать, кто учнет приходить, а которые... не станут, в чем от великого государя быть в наказаньи». Вначале попы требовали совершать обряд покаяния четыре раза в год, но московский собор 1666—1667 гг. указал, чтобы православные исповедывались только один раз в году. Контроль за исполнением этой государственной повинности был возложен на духовенство. Никто не пользовался никакими льготами: тот, кто уезжал на время, должен был по возвращении исповедываться или представить справку о том, что уже совершил обряд покаяния в том месте, куда он ездил. Начиная с 1718 г. каждый поп обязан был подавать ежегодно «ведомость о неисповедывавшихся» для взыскания с них штрафа. В 1835 г. управление церковью—синод—издает постановление, в котором говорится, что «приходские священники, обращая внимание на причины», по которым некоторые из прихожан не бывают у исповеди, «о таковых неукоснительно обязаны доносить по начальству для принятия надлежащих мер к удержанию их в православии». Синод и сенат неоднократно принимали меры к тому, чтобы заставить всех исповедываться. О союзе сената и синода говорит пословица: «Синод и сенат живут под арками (они помещались в Петербурге на Сенатской площади под арками) и требуют подарков».

В 1858 г. синод предписал священникам составлять «сведения о бывших и не бывших на исповеди». «Епархиальное начальство, получив реестр сряду три года не бывших у исповеди, присуждает их к епитимиям из поклонов келейных или в церкви», но «когда все чисто духовные взыскания и увещания останутся совершенно безуспешными, епархиальное начальство обращается к гражданскому об оказании с его стороны законного содействия». Помимо этих синодальных распоряжений было немало указаний о «неослабном пастырском внимании для предотвращения уклонений от ежегодной исповеди».

Все эти законы давали в руки попов сильное оружие: они могли любого человека записать как уклоняющегося от исповеди и требовать для него суровых наказаний. Сами царские власти были вынуждены признать, что попы нередко «бывших у исповеди по злобе своей на них записывали небывшими».

Наиболее распространенным наказанием за уклонение от исповеди был штраф.

Штраф за уклонение от исповеди был самой легкой карой. Встарину отказавшиеся от исповеди подвергались «жестоким на теле наказаниям», битью батогами или плетью. Так, например, в 1666 г. крестьяне села Брюхова, Кашинского уезда, перестали говеть в «великий пост», не пошли на исповедь и не пустили на нее домашних. Извещенный об этом архимандрит, настоятель Спасского монастыря, послал приказ сельскому управляющему «доправить на тех крестьянах по гривне денег, да их же бити батогами» и «заставить говеть в петров пост», а если «и сие преслушают», «то взыскать с них уже по два рубля» и «бити батогом вместо кнута». «А кто из крестьян не ходит в церковь по воскресным дням и владычным праздникам, на тех правити за те дни по алтыну». Приказ архимандрита заканчивался так: «А скажите на сходке крестьянам, чтоб они к церкви божией, к пению, к вечерне и к заутрене и к обедне з женами и з детьми ходили, и ко отцу духовному говели».

Царским указом 1648 г. велено было хватать всякого, кто не ходил в церковь, не исповедывался, не пускал к себе попа в дом, и подвергать пытке, а то и сжигать живьем. В 1723 г. было решено «отказывавшихся от исполнения долга исповеди посылать мужска пола на галеры, а женска пола на прядильные дворы». Впоследствии царские власти за систематический отказ от исповеди стали ссылать в Сибирь. Чаще же всего уклонявшихся от исповеди ссылали в монастыри. Так, например, в московском Новодевичьем монастыре в 1820 г. находилась Пелагея Иванова. «За небытие на исповеди семь лет» ей было предписано бесплатно работать на монастырь и каждый день бить по пятьдесят поклонов. В 1866 г. в Соловецкий монастырь был заключен по царскому распоряжению Адриан Павлович Пушкин за то, что «не бывал у исповеди». Он пробыл в монастырском застенке пятнадцать лет. В монастырских тюрьмах за уклонение от исповеди люди томились годами.

Попы налажали на неисповедывавшихся отлучение от церкви, что в царской России было тяжким наказанием, так как влекло за собой полицейские преследования и гонения.

Царское законодательство принуждало к исповеди, угрожая уклонявшимся от нее всякими ограничениями и наказаниями.

Статья 209 «Уложения о наказаниях», издания 1885 г., гласила: «Родители, не приводящие к исповеди детей своих, подвергаются за то особому внушению от духовного и замечанию от местного гражданского начальства». При поступлении в средние учебные заведения требовали свидетельство об исповеди. Часто такую же справку предлагали предъявить на службе начальники своим подчиненным. Непосещения исповеди было достаточно, чтобы человека считали «политически неблагонадежным», «подозрительным» и увольняли с работы. Синод требовал, чтобы хозяева не держали у себя рабочих, не бывших у исповеди. Нередко рабочих не принимали на работу, если те не представляли справки, что они исповедались. Если кто-либо из вступающих в брак не был на исповеди, то поп отказывался венчать. Закон гласил: «При бракосочетании между другими документами должны были быть приложены... свидетельства о бытии на исповеди жениха и невесты». Согласно 248 статье XV тома «Свода законов», не бывшие на исповеди не могли быть свидетелями на суде. Если больной не исповедывался, то в случае смерти попы часто отказывались его хоронить.

Для помещиков и буржуазии исповедь была простой формальностью, так как за взятку они отмечались попом как бывшие у исповеди, когда же от исповеди уклонялись крестьяне или рабочие, то их ждали суровые наказания. В 1843 г. в Донской области казачка Марфа Аксенова не успела явиться к исповеди. По доносу попа ее арестовали. Дело дошло до совета министров. Министры решили: «...Сверх содержания ее при производстве дела под стражей в продолжении семи месяцев, выдержать еще две недели на хлебе и воде и оставить в настоящем жительстве. За неисполнение обязанностей православной веры, к которой принадлежишь, небытность на исповеди и у святого причастия, предать церковному покаянию по определению духовного начальства». 1 ноября 1843 г. казачка Аксенова совершала «публичную епитимию». Она, по предписанию попов, являлась ежедневно в церковь в продолжение шести недель и была там по двадцать пять земных поклонов. Известный русский писатель А. И. Герцен в статье «Секущее православие» описал зверскую расправу попов и чиновников над крестьянами деревни Порозово, Волковыского уезда, Гродненской губернии, вся вина которых состояла в том, что они не исполняли православных обрядов. По требованию попа, полиция перепорола всех до единого, забив многих насмерть. Герцен описывает, как под розгами, под угрозой смерти поп заставлял причащаться крестьян.

Особенно сильно преследовались исповедывавшиеся бывшие иноверцы, насильно обращенные в православие.

Высланный в Вятскую губернию, А. И. Герцен видел, как там происходило наказание вотяков, уклонившихся от исповеди. Герцен писал:

«Года через два-три исправник или становой отправляются с попом по деревням ревизовать, кто из вотяков говел, кто нет и почему. Их теснят, сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы. Духовный сыщик и земский миссионер поднимают бурю, берут огромный откуп... потом уезжают, оставляя все по-старому, чтоб иметь случай через год-другой снова поехать с розгами и крестом».

Почему же царизм так свирепо преследовал за уклонение от исповеди?

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ТАИНСТВА ПОКАЯНИЯ

В Москве в Государственной Третьяковской галерее висит картина известного русского художника В. Г. Перова, на которой изображена проповедь священника перед обрядом покаяния. В сельской церкви священник произносит проповедь на евангельский текст: «Несть бо власти, аще не от бога». Носители этой власти сидят перед амвоном, охраняемые дворецким, который отталкивает от господ старуху-нищенку. Старый помещик сладко спит. Молодая помещица, заслоняясь молитвенником, кокетничает с наклонившимся к ней ухаживателем. Стоящий в первом ряду богомолец бедняк-крестьянин с двумя оборванными детьми не особенно верит словам священника, вколачивающего в сознание крепостных идею святости власти барина: он недоумевающе почесывает голову в ответ на убеждения проповедника покаяться и возлюбить господ. В этой картине, написанной в 1861 г., Перов разоблачил попов как приказчиков помещиков, религию как средство удержания рабов в повиновении эксплуататорам, как орудие многовекового угнетения трудящихся и затемнения их сознания.

В то время как царизм осуществлял угнетение народных масс полицейскими мерами, мерами физического воздействия, церковь приходила ему на помощь со своей веками выработанной утонченной системой одурачивания, развращения народного сознания. К. Леонтьев, советник обер-прокурора синода графа Д. А. Толстого, говорил, что «религия должна быть железной рукавицей, которой надо держать народ в повиновении».

В царской России было организовано утонченное истязание

совести людей. Подготовка к таинству покаяния начиналась с «великого поста», со специальных проповедей, «душеспасительных» бесед, распространения религиозных картинок и книжек для «назидательного чтения». О чем же говорили по-

Рис. 8. Проповедь в сельской церкви. С картины художника В. Г. Перова

пы перед исповедью? Они призывали народ к кротости, терпению, смирению и молчанию, призывали к тому, чтобы несчастные и замученные, угнетенные крестьяне и рабочие простили помещикам и капиталистам их гнет, все свои страдания. А. И. Герцен в воспоминаниях «Былое и думы» рассказывает, как в крепостной деревне происходило прощение грехов:

«В последний день масленицы все люди, по старинному обычаю приходили вечером просить прощения к барину, в этих торжественных случаях мой отец выходил в залу, сопровождаемый камердинером...

«Прощаю тебе все грехи за сей год и овес, который ты традишь безмерно, и то, что лошадей не чистишь, и ты меня прости», — говорил отец Герцена своему крепостному кучеру.

Старое господское общество было так устроено, что крестьянину, фактически бывшему рабом помещика, внушалось, что он и его барин — братья во христе. Рабочие получали для совершения исповеди специальные отпуска от хозяев, понимавших, что обряд покаяния научит трудящихся покорно нести бремя рабства.

В воспоминаниях старых путиловских рабочих рассказывается, что на исповеди в путиловской церкви в Петрограде священник Павский спрашивал рабочих: кто что на заводе делает, не крадет ли, не участвует ли в политических организациях, — и обо всем слышанном доносил по начальству. Священник Павский часто потешался над исповедывавшимися, сообщая своим домашним самые интимные подробности личной жизни тех, кто был у него на исповеди.

В «Наставлении духовного отца духовным детям хозяевам и обучающимся мастерству — перед исповедью», составленном протоиереем В. Марениным, изданном в 1906 г., говорится: «Не завидуй, брат, трудись, и господь, если тебе по указанию божию нужно и полезно богатство, наградит тебя богатством» (стр. 24). Поп предостерегает рабочих, чтобы они не вздумали не по-христиански смотреть на своих хозяев, т. е. не видели бы в них эксплуататоров-кровососов. Поп из кожи лезет вон, чтобы защитить интересы хозяев. «Ты нечестно поступаешь с хозяином, — поучает священник, — а господь, видевший тебя в работе твоей, считавший часы твоей работы, которую ты обещался отработать и не отработал, возмутился твоей нечестивостью и осудил тебя» (стр. 20). Как замечательно поп изобразил боженьку! Нанявшись к хозяину на должность надсмотрщика, бог по часам отсчитывает время работы рабочих, и если кто отработает на хозяина не полные 10—12 часов, бог осуждает нечестивца пребывать в аду.

Для учащихся существовали другие проповеди.

В руководстве «О правильном и душеполезном приготовлении к исповеди для женских учебных заведений», составленном протоиереем И. Романовым в 1889 г., говорится, что «нельзя верить только науке», «должно молиться за государя, государыню и семью их», «должно о сомнительном, противном учению

церкви и евангелия, слышанном, читанном, немедленно страшивать духовника», и т. п.

После подготовительной работы начиналась самая исповедь. Полумрак в церкви, мерцание свечей, интимность разговора с духовником—все это создает таинственность, вызывает у исповедующегося нервное состояние, особенно у женщин. Накрыв епитрахилью голову верующей, священник начинает ее запугивать и угрожать, внушая, что она предстала перед судом божьим. Поп ведет допрос по статьям нарушений десяти заповедей, требуя ответа на вопрос, как согрешила зрением, вкусом, слухом, обонянием, осязанием, не только делом, но и помышлением, — всячески истязая совесть верующей.

Обычно встарину исповедь начиналась с вопроса для женщин: «Како растлесея девство твое?». Для мужчин: «Скажи мне, чадо, со сколькими женами... с рабою, вдовою, замужнею, монахиней, с мужем противоестественно, со скотом?». В списке вопросов, которые должен был предлагать духовник, согласно чину исповеди, напечатанному в требнике, содержатся самые подробные вопросы о противоестественных способах сожителства, с перечислением всевозможных половых извращений, грехов в холостой и семейной жизни, грехов в быту вдовцов и вдов и т. д. Составленные на основе наблюдений монашеских нравов, применительно к порочной жизни монахов, старинные требники все свое внимание сосредоточили на половом вопросе, который разрабатывали с необычайной тщательностью и цинизмом, предусматривая не только все естественные комбинации прелюбодеяния и блудодеяния, но и самые невероятные противоестественные формы разврата от птицеложства до блудодеяния с муравьем или мухой. Вопросы требника свидетельствуют об утонченной извращенности их составителей, духовных лиц.

В руководстве протоиерея Сирина «Православная исповедь», изданном в 1902 г., сказано: «Духовнику необходимо вопрошать о постыдных делах. Иной (иная) сохраняет, повидимому, невинность, а внутри его (ее) вожделение... Человек естественно стыдится говорить о плотских грехах, старается обходить даже на исповеди... Духовник обязан помочь, наводя вопросами. Вопросы о плотских грехах всегда должно начинать с того, что менее срамно» (стр. 62—63). Уже один разговор с «грешницами» на эти темы превращался для попа в утонченный разврат.

Исповедь дает попу возможность вторжения в интимную жизнь кающейся и овладения ее тайнами, что невольно связывает ее с пастырем. Благодаря исповеди священники владели всеми семейными тайнами, могли ссорить супругов, превращали женщин в своих послушных рабынь.

Исповедь была могучим орудием для контроля за мыслями, думами и чаяниями народных масс, за поведением трудящихся. С помощью исповеди духовенство собирало сведения о настроениях населения, сосредоточивало в своих руках наблюдение над образом мыслей и поведением широких народных масс. Для того чтобы лучше выполнять эти задания, необходимо было иметь хорошо разработанные вопросники. Этой цели и служили специальные требники—исповедные чины, инструктировавшие попов, какие вопросы следует задавать. Священник был обязан спрашивать: молишься ли за царя, чтешь ли духовенство и т. д. В XVII в. в рукописном чине исповеди появляются специальные вопросы для поселян, для торговых людей, для вельмож и судей. Священник был обязан на исповеди спрашивать крестьян: «Не переорал ли еси межи у соседа на свою полосу?.. Старинные межи не секл ли, камени не переложил ли, изгороди не переставил ли?», и т. д. В особом руководстве для исповеди «О семи церковных тайнах», появившемся во второй половине XVII в., предлагалось спрашивать у крестьянина, как он соблюдает церковную десятину, почитает ли царя; у служилого человека—повинуется ли царю, охраняет ли цареву тайну. Вместе с тем духовенство, будучи верным слугой эксплуататорских классов, старалось на исповеди не задавать чиновникам и помещикам неприятных и щекотливых вопросов. В специальном руководстве XVII в. «Исповедание властям мирским» нет вопросов о грехах против седьмой заповеди: «Не прелюбы сотвори». В XIX в. архиепископ Платон пытался выработать специальные исповедные руководства применительно к характерам исповедующихся: для меланхоликов, флегматиков, сангвиников и холериков. Для адвокатов, художников существовали специальные вопросы, и т. д.

В поповских руководствах для исповеди, например у протоиерея Силина, можно найти особые вопросы к чиновникам: «Верю ли служишь государю своему?»; к учащимся: «Не замышлял ли чего худого против начальства и правительства?»; к крестьянам: «Платишь ли подати?»; к живущим в услужении: «С аккуратностью ли исполняешь приказания хозяев, почтительно ли обходишься с хозяевами?»; к врачам: «Как относишься к вере и церкви?», и т. д. Архиепископ Платон в «Напоминании священнику о таинстве покаяния» обращал внимание на то, что «в наше время главное наставление при исповеди ученых должно заключаться в том, чтобы они не предпочитали светских наук вере».

Исповедь была поставлена на службу пропаганде монархизма, она использовалась для борьбы с революционным движе-

нием народных масс. В руководстве попа И. Нечаева «Исповедь для юношества», изданном в 1869 г., исповедник должен был спрашивать: «Молишь ли бога за благочестивейшего государя императора нашего, за всю его императорскую высокую фамилию? Также за святейший синод молишь ли бога? Танцев не водишь ли?».

В конце XIX в. и в начале XX в. исповедь особенно широко использовалась попами для сбора сведений о настроениях населения, которые сообщались жандармскому управлению.

«Православная исповедь в вопросах» протоиерея Силина предлагает спрашивать исповедующихся: «Почитаешь ли государя императора?». «Почитаешь ли начальников и исполняешь ли их приказания?» (стр. 58—59). Священник Гр. Дьяченко в книжке «Вопросы на исповеди детей» рекомендовал такие вопросы: «Молишься ли за царя?». «Молишься ли за местного архиерея?». «Не сочувствовал ли ты когда еретическим лжеучениям?». «Уважаешь ли пастырей духовных?». «Не читал ли сочинений, написанных во враждебном духе против святой церкви?». «Не слушал ли богохульного учения неверующих и еретиков?». В другом пособии для пастырей церкви — «Вопросы на исповеди взрослых христиан с указанием духовно-врачебных средств против греха», изданном в 1897 г., этот же поп предлагает спрашивать: «Не имеешь ли, сын мой, вражды с кем-нибудь?». «Со всеми ли примирился, идя на исповедь?». «Не был ли когда безбожником или не сочувствовал ли пагубному учению?».

Недаром товарищ Сталин в беседе с писателем Эмилом Людвигом сказал, что «...слезка, шпионаж, залезание в душу, издевательство...»¹ были обычными методами деятельности православных попов.

После полицейского допроса священник должен был увещевать, произносить краткое поучение исповедывающимся.

О чем же учили попы на исповеди?

Архиепископ Платон в «Напоминании священнику о таинстве покаяния» говорил: «Бедных должно убеждать, чтобы они довольствовались своим состоянием и охотно несли бедность, которую они терпят по необходимости» (стр. 52). Духовенство обязано было прилагать все старания, чтобы народ молчал, терпел, беспрекословно подчинялся начальству и утешал себя несбыточными мечтами о награде на том свете.

---

¹ И. Сталин — Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III. Партиздат 1937. Стр. 528.

После исповеди священник должен был дать отпущение грехов. Таинство покаяния есть по существу церковный дисциплинарный суд, где исповедь кающегося заменяет судебного обвинителя и где священник накладывает наказания, так называемые епитимии (пост, обязательство класть поклоны и т. д.).

Попы даже в XX в. определяли столь строгие епитимии, что для их выполнения приходилось прибегать к помощи полиции. Так, например, 15 сентября 1904 г. один поп писал приставу: «Указом из московской духовной консистории, от 3 сентября 1904 года за № 11219, мне объявлено, что на крестьянку Авдотью Климову Коробинскую возложена на 2½ года епитимия с тем, чтобы эта епитимия была исполнена ею под моим наблюдением. Об обязанности Коробинской было сообщено и вашему высокоблагородию. Между тем, Коробинская и до сего времени ко мне не являлась. Покорнейше прошу Вас побудить ее явиться ко мне».

Если исповедывающийся, по мнению священника, не раскался, его могли предать анафеме, подвергнуть светскому уголовному суду, послать в монастырь на «смирение», посадить на «чепь» и т. д.

Указ синода, изданный 11 июля 1851 г. и подтвержденный 18 марта 1863 г., гласил: «Те епитимийцы, прохождение которыми епитимии на месте оказалось безуспешным, подлежат заключению в монастыри».

Во многих монастырях имелись каменные мешки, сырые темницы и подвалы, где часто содержались люди, отбывавшие епитимию. Их там морили голодом, подвергали всяким наказаниям и мучениям.

Встарину в православной церкви действовали следующие епитимии, по выполнении которых грех прощался: «Како господин при законной жене соблудует с двумя или со тремя женами — пост три лета, или с рабою своею — пост 40 дней, к волхвам ходит — пост 6 недель, с сестрою или с братниною женою соблудует — пост 3 лета, с мачехою или падчерицею — пост 2 лета, с дочерью — пост 5 лет, во сне блуд сотворил — 50 поклонов, с животным — пост 40 дней, кто убил — пост о хлебе пять лет, а украл — три года, упился без памяти — пост семь дней, с тещею сблудил — пост 2 лета, с кумою — пост 5 лет, помыслил на чужую жену с похотию — 70 поклонов, вступил на ногу с похотию — пост 6 дней, содомский блуд сотворил еси — пост 3 лета», и. т. д. Из этого церковного кодекса епитимий видно, что раба, т. е. крепостная, приравнивалась высшим духовенством к скоту: за изнасилование рабы,

так же как за блуд с животным, полагался пост всего 40 дней. За сожительство же с некрепостной — пост 3 года.

Помимо епитимии верующие могли искупить свои грехи и с помощью индульгенции. Восточные православные патриархи, так же как папы римские на Западе, торговали «разрешительными» грамотами (индульгенциями) для живущих и «проще-

Рис. 9. Православная индульгенция (прошенная грамота об отпущении грехов за деньги) за подписью патриарха иерусалимского Кирилла, хранящаяся в Музее истории религии Академии наук СССР. Индульгенция издана в 50-х годах XIX в. Печаталась в России при полной поддержке синода и распространялась в Иерусалиме среди русских паломников во второй половине XIX в.

ными» грамотами, которые клали с мертвым в гроб. Эти индульгенции привозились от греческих и иерусалимских патриархов вместе с частицами «млека пресвятыя богородицы», щепками от «гроба господня», «тьмой египетской в баночке» и т. п. священными редкостями.

«Я видел, — рассказывает Юрий Крижанич, бывший в

России в XVII в., — на русском языке напечатанные в Киеве отпустительные грамоты, которые по Руси продавал византийский патриарх Афанасий... Подобные отпустительные грамоты в рукописи (со вставкою имени того человека, коему вручается грамота) некоторые продавали знатым людям за деньги. Здесь разрешают от всех грехов... грамоты, которые кладут с собою в гроб». Такая индульгенция продавалась примерно за 100 руб. Продав партию индульгенций, напечатанных в Киеве, патриарх Афанасий просил у царя Алексея Михайловича разрешения «напечатать на своем дворе 500 разрешительных грамот». В 1655 г. сербскому патриарху на Московском печатном дворе отпечатали 1000 индульгенций. В 1668 г. для антиохийского патриарха Макария было там же напечатано 2000 грамот.

В XVIII—XIX вв. прощенные грамоты иерусалимских патриархов продавались в России их агентами в среднем по 500 руб. В греко-восточной православной церкви и сейчас совершается шантаж с индульгенциями. В Троице-Сергиевом антирелигиозном музее выставлена современная прощенная грамота иерусалимского патриарха Дамиана на предъявителя: вписать имя получателя, и ему отпускаются все грехи.

Так таинство покаяния — истязание совести верующих — было использовано для обогащения церкви и ее служителей.

ИСПОВЕДЬ НА СЛУЖБЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО ШПИОНАЖА

В царской России исповедь использовалась духовенством в целях шпионажа, как удобное средство осведомления и выявления политически неблагонадежных элементов. При помощи таинства покаяния священники узнавали то, что часто не удавалось выпытать полицейским и жандармам. Попы могли заглянуть в помыслы людей, могли выведать то, что обычно никому не говорилось. Каясь попу в грехах, доверчивые верующие нередко выдавали себя и других. Царское правительство превратило исповедальную в отделение полиции и охраны, а попа — в духовного квартального и жандарма.

Исповедь официально стала орудием сыска в XVIII в., когда российский царизм превратил православных попов в духовную полицию, задачей которой было «споспешествовать во всем, что к его царского величества верной службе и пользе во всяких случаях касаться может...».

13 апреля 1722 г. был издан царский указ, который возлагал на попов обязанность доносить начальству об открытых на

исповеди «преднамеренных злодействах против службы государевой или церкви».

2 мая 1722 г. синод издал инструкцию, разъяснявшую этот царский указ. В инструкции говорилось: «Дабы каждый священник ведал, что если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое не сделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на государя или на государство, или злое умышление на честь или здоровье государево и на фамилию его величества, то о таком лице немедленно да объявлено будет властям предержащим. Сим объявлением духовник не преступает правила, но еще и исполняет веление господне».

Священник должен был при посвящении в сан произнести присягу, в которой клялся в точности исполнять все предписания относительно донесения начальству об открытых на исповеди политических преступлениях.

Как же духовенство оправдывало нарушение «святой» тайны исповеди? Церковники и здесь проявили свойственную им изворотливость и наглое лицемерие.

Православные священники учили, что тайну исповеди можно нарушить, если дело идет о «безопасности священной особы царя и государства». Признав «таинство покаяния не совершенным», поп мог объявить, что грешник не получает отпущения грехов, или просто прервать исповедь, после чего он должен был донести царским властям об услышанном. Попы прибегали и к другим способам, чтобы уведомить жандармов, формально не нарушая тайны исповеди. В секретном наставлении протоиереям и священникам Владимирской епархии (за № 24 от 3 мая 1891 г.), подписанном архиепископом владимирским и суздальским Феогностом, сказано: «Духовный отец немедленно должен донести мне о прихожанине, исповедовавшем смертный грех и подлежащем отлучению от святого причастия (живущий в городе Владимире и около него лично, а отдаленный от епархиального города письменно), не именуя лица, но подробно объясняя пол, возраст и звание его». По этим признакам жандарм фамилию кающегося уже без труда сам найдет. Ведь если поп напишет: «Учитель деревни Неелово на духу покаялся мне в тяжком грехе, что он не доволен царским режимом, ругал царя и возбуждал других к неповиновению властям», найдет ли жандарм этого учителя, даже не зная заранее его фамилии?

Специальная инструкция, разработанная синодом, дает точное указание попам, как надо доносить, «не нарушая» тайны исповеди. В неофициальном издании 1910 г. «Инструкции бла-

гочинному приходских церквей, изъясненной указами святейшего синода», составленной протоиереем А. Малевинским и утвержденной определением синода от 8 мая 1901 г., говорится: «Если бы кто при исповеди объявил духовному отцу своему об умысле на честь и здравие государя, или о намерении произвести бунт или измену... тому духовному отцу доносить о том немедленно, так как таковая исповедь не есть правильная, ибо исповедывающийся не во всех беззакониях своих кается. Однако ж надлежит духовнику в том объявлении не открывать именно сказанное на исповеди, но только в оном сказать, что такой-то, показав его имя и звание, имеет злой умысел против государя или государства и нераскаянное к тому намерение; вследствие сего извещения, подозреваемый немедленно должен быть взят под стражу, по взятии же его и начатии уголовного следствия, духовник обязан все о том злом намерении слышанное объявить без всякой утайки во всей подробности. Свое донесение священник должен представить никому иному, как только своему епископу» (стр. 126).

С каким иезуитизмом и коварством составлена эта синодальная инструкция! Если сведения, полученные во время таинства покаяния, интересны для полиции, то «исповедь не есть правильная» и поп может нарушить тайну исповеди, он должен «донести немедленно». До тех пор, пока «смутьяна» не арестуют, поп обязан дать только точные сведения о том, кого надо арестовать, чтобы «смутьян» не догадался, кто был виновником ареста, чтобы нельзя было чем-либо помешать следствию, а когда «смутьян» взят под стражу, тогда поп «обязан все о том злом намерении слышанное объявить без всякой утайки во всей подробности». Какая поповская предусмотрительность и опытная полицейская сноровка у автора синодальной инструкции!

В документах, которые не предназначались для чтения народными массами, царские министры и чиновники откровенно писали о полицейской роли духовенства. В 1912 г. была опубликована «Историческая переписка о судьбах православной церкви» между министром Витте и обер-прокурором святейшего синода К. П. Победоносцевым. Заботясь о том, чтобы церковь могла лучше обслужить интересы помещиков и буржуазии, Витте беспокоился, что казенный характер православия, роль духовенства как агентов самодержавия могли отпугнуть от религии народные массы. В переписке Витте сделал ряд интересных признаний; он пишет, что священник «превратился из духовного руководителя в агента полицейского надзора» (стр. 15). Указ XVIII в. о том, что поп должен нарушать тайну исповеди, по мнению Витте, сохраняет полную силу.

«Обязательность (духовенства. — *М. Ш.*) доносить об открытых на исповеди вредительных для государства вещах неотмененный закон» (стр. 62—63).

В архивах хранится много секретных дел, свидетельствующих о том, что немало людей стало жертвами попов — тайных политических агентов самодержавия, использовавших исповедь в шпионских целях.

В отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в переписке обер-прокурора синода Победоносцева хранилось письмо от 6 марта 1883 г. священника Покровского собора Григория Скворцова митрополиту московскому Иоанникию. В письме сказано: «Долгом считаю донести Вашему высокопреосвященству, что сего марта 5-го дня некая госпожа во время исповеди открыла мне, что зять ее — муж ее дочери, московский плац-адъютант Шестаков возбуждает в ней сильное подозрение в злоумышлении его против государя императора, в каковом деле находится он в тесном союзе с 2-м московским комендантом Унковским... Судя по искренности, с которой означенная госпожа все вышеописанное мне передавала, и по тому душевному смущению, которое весьма было в ней заметно... нужно думать, что все переданное ею мне совершенная правда, тем более, что сама она в верности всего ею сказанного поклялась святым крестом и евангелием».

Во время революции 1905 года попы широко использовали исповедь в целях борьбы с революционным движением. Через верующих жен рабочих, через самих пролетариев, не знавших, что под рясой скрывается шпион, попы получали с помощью исповеди сведения, нужные полиции.

Известны факты, когда благодаря шпионской работе попов во время забастовок на фабриках и заводах арестовывались руководители стачечных комитетов.

В 1910 г. рабочий Антонов рассказал на исповеди попу, что в 1907 г. в Сестрорецке была организована боевая группа рабочих, которая держала в страхе всю сестрорецкую полицию. Он назвал фамилии участников группы. Следствие тянулось два года, и в 1912 г. царский суд приговорил к каторге десять рабочих сестрорецкого оружейного завода.

Если так действовали попы в городе, то в деревне они прибегали к еще более наглому шпионажу. Писатель А. Серафимович в рассказе «Бунт» ярко изобразил, как полиция, не узнавшая путем пóрок, кто поджег помещичью усадьбу, выведала это с помощью поповской исповеди.

В архивах имеется много документов о шпионской деятельности попов в деревне. В 1905 г. на Украине в селе Казачьи

лагери (Днепропетровская область) поп Романов выпытал во время исповеди у крестьянина Г. И. Коршуна, что в селе есть революционно настроенные люди, которых организует крестьянин Федоров. 3 октября 1905 г. поп донес об этом исправнику, благодаря чему произошел арест крестьян. Другой поп — села Суборабовка писал хорольскому исправнику: «Доверие ко мне должно мне помочь... это доверие помогло мне добыть то, что держалось под полой и о чем громадное большинство ничего не ведало. Разумею листовки социал-демократической партии. Пользуясь доверием, я знаю, что у меня в приходе творится, и могу твердо защищать самодержавие».

В 1905 г. в селе Малиновка, Аткарского уезда, крестьяне захватили хлеб помещика и поделили его по душам. Сельский поп-зверь Алексей и дьякон распустили провокационные слухи, будто бы крестьяне хотят сжечь церковь. Под предлогом якобы осквернения церкви поп организовал погром, во время которого земское начальство и кулаки били и кололи бедняков вилами, рубили тесаками, резали косами не только взрослых, но и детей. Избиением крестьян руководил дьякон. Во время погрома было убито 42 человека.

«Товарищи, — писали арестованные крестьяне из тюрьмы, — прописываем вам про священника. Лета его 37 лет. Шпионством он занимался, спрашивал на исповеди молодых людей про книжки, даже спрашивал женщин молодых, ходил за сбором и брал остальное (т. е. последние крохи. — М. Ш.) за требы, это — беспощадный кровожадный зверь». В другом письме крестьян из Саратовской губернии также сообщалось, что поп занимается шпионажем на исповеди. «Шпионство и доносы стали излюбленным средством попов. Попы наши настолько теперь популярны, как доносчики и шпионы, что власти их предпочитают чинам полиции. Это — жандармы в рясах. Лиховский поп Архангельский на исповеди всех допрашивал: «Не читал ли нелегальных книг, от кого получил, не давал ли учитель читать такие книги»... Крестьяне в глаза даже называют его (попа. — М. Ш.) доносчиком».

Особенно большое внимание уделяло духовенство шпионажу среди солдат.

В царской армии был строгий контроль над исполнением исповеди. От нее солдат не освобождали ни командировка, ни отпуск, ни арест, ни болезнь.

После каждой исповеди воинские начальники получали от духовенства сведения, все ли солдаты были на ней. Такое попечение начальника о грешной солдатской душе объяснялось тем,

что синодом был издан указ, повелевавший полковым священникам доносить о том, что им будет открыто «на духу».

Весной 1862 г. крейсер «Олег» возвращался в Кронштадт из Средиземного моря. Во время стоянки в английском порту Портсмуте корабельный поп иеромонах Палладий узнал на исповеди о том, что юнкер Трувеллер снабдил подшкипера революционной брошюрой «Что делать войску». Иеромонах Палладий донес об этом старшему офицеру. Трувеллер был приговорен к каторжным работам на десять лет.

В 1887 г. во втором пехотном Софийском полку поп Иустин Переспелов на исповеди у солдата В. Бельшева выпытал сведения о революционно настроенных солдатах, которые передал начальству.

Неудивительно, что солдатские массы очень неохотно выполняли распоряжение начальства об исповеди. Протоиерей А. Знаменский в своей книжке «Об исповеди. Домашняя беседа полкового священника с солдатами» признается, что «молодые ребята желают скорее только отделаться от исповеди».

Старинные русские пословицы показывают, что многие в народе знали, как попы соблюдают тайну исповеди: «попу кайся, а попадье не провирайся» (т. е. поп рассказывает все секреты кающихся своей жене), «поп Федьку обманет, а Федька попу правды не скажет».

ЖАНДАРМЫ В РЯСАХ

Царизм ловко использовал православных попов не только в качестве шпионов и провокаторов, но и как тюремщиков и жандармов. В царских тюрьмах наряду с утонченными пытками, имевшими целью вырвать у преступника признание, широко применялось таинство покаяния. Для этого имелись специальные попы-духовники, которые должны были помогать следователям и облегчать «работу» тюремной администрации.

В XVIII в. исповедь становится необходимым орудием сыска среди арестованных. «Посягодняя исповедь, — указывал сенат, — не может ли иногда способствовать к раскаянию преступников и приведению их к истинному признанию». Двести лет назад, по словам одного историка, в тех случаях, «когда ни обыски, ни пытки, ни допросы не давали достаточно определенных данных, а между тем кто-либо из преступников в это время, обычно изнуренный «розыском», был недалек от смерти — в таком случае призывался священник, которому ставили задачу на предсмертной исповеди добиться у обвиняемого искрен-

него сознания или точных, правильных показаний; это практиковалось не особенно редко. При такой исповеди, бывали случаи, присутствовал и секретарь канцелярии».

В 1735 г. синодом была составлена секретная инструкция для попа Г. Федорова, как исповедывать заключенных в Петропавловской крепости. «Тебе, священнику Григорию, — говорится в инструкции, — спрашивать колодников каждого при исповеди, не имел ли он и ныне не имеет ли за собою или за кем другим намеренного воровства, наипаче же измены или бунта на е. и. величество», и «...объявлять о том тотчас генералу и кавалеру лейб-гвардии Семеновского полка подполковнику и е. и. в. генерал-адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову неотложно».

В 1762 г. был издан указ о том, что, прежде чем применять обычную пытку с помощью палача, необходимо подвергать арестованного духовной пытке попа-исповедника: «Тех, которые по делам дойдут до пыток, не чиня им оных, прежде о покаянии истины увещать ученым священником». Эти «ученые священники», находившиеся при тюрьмах, обязаны были исполнять роль сыщиков и агентов-provokаторов, выпытывавших у арестантов откровенные показания, за что получали щедрые награды. В Ленинградском отделении Центрального исторического архива хранится представление кронштадтского военного губернатора, направленное 18 октября 1906 г. в канцелярию синода с ходатайством о награждении священника церкви при кронштадтской тюрьме Ал. Макарова за «назидания и увещания заключенным в их камерах», чем, по словам начальника тюрьмы, он «обеспечил спокойствие». Чтобы облегчить попам сыск в тюрьме, духовенство не раз издавало специальные инструкции о том, как исповедывать заключенных. В этих инструкциях прямо указывалось, что священник обязан был узнать у арестованного все полезное царской власти. При исповеди уголовных преступников духовник должен был помогать полиции. В книге архиепископа Платона «Об таинстве исповеди покаяния», изданной в 1871 г., говорится: «Священник должен настоять, чтобы виновный (если заключенный в тюрьме за воровство) показал, где скрыты краденые вещи, должен спросить виновного, не солгал ли и не оклеветал в продолжение следствия» (стр. 227).

Духовенство потратило немало труда на то, чтобы лучше организовать дело обмана молодых, неопытных революционеров, веривших в действительную святость тайны «беседы с богом», чтобы выведать у них на исповеди имена их друзей и помощников. В тюрьмах арестантов специально готовили к испо-

веди, выдавали им для чтения книги «духовно-нравственного» содержания, разные «жития святых», устраивали специальные религиозные беседы и т. п.

Встарину арестантов исповедывали в оковах и цепях и лишь в 50-х годах XIX в. это отменили, хотя попы были против того, чтобы для таинства покаяния расковывали узника. Синод лицемерно писал: «Преступник, чувствуя на себе узы (т. е. оковы и цепи. — *М. Ш.*), гораздо более еще при покаянии должен восчувствовать всю греховность своего положения и принести истинное сознание и сердечное сокрушение в своих преступлениях».

Вот несколько фактов, показывающих, как царелюбивое духовенство вело сыск в тюрьмах.

В 1721 г. живший в Астрахани Иван Орешников был посажен в тюрьму за поношение православной веры и царя. После тяжких пыток в Москве, где Орешникова подняли на дыбу, били батогами, ошпаривали раны горячим веником, посыпали солью и вновь били, Орешников показал: «Я еретик богоотступник... зимой довелось говорить с работными людьми. Работные люди бранили царское величество. Все эти работные люди богоотступники и в церковь не ходят». Тогда к Орешникову в качестве «искусного проповедника» направили иеромонаха Маркела Радышевского, опытного шпиона. Он известил тайную канцелярию обо всем, что сказал Орешников на исповеди. Но так как Орешников ничего интересного для палачей не сообщил, то послали для исповеди нового попа-шпиона. Тот тоже не добился никаких результатов. 5 июня 1722 г. Ивану Орешникову отрубили голову.

В 1754 г. в Москве Жукова, убившая помещицу, долго не признавалась в убийстве. Улик никаких не было. Ни пытки, ни увещания не помогали. Тогда тайная канцелярия обратилась к попу В. Сергееву, который «на духу» получил все улики от ее дочери. В официальном документе записано: «Церкви трех святителей, что у Красных ворот, придельный священник Василий Сергеев на исповеди содержащейся в главной полиции Варвары Жуковой, при его превосходительстве генерал-лейтенанте, генерал-полицмейстере Татищеве, перед присутствием объявил: означенная Варвара Жукова... на духу объявила, что мать ее, Варвары, во-первых, как ее, Варвару, так и мужа ее Алексея к тому смертоубийству наущала».

То, чего не могла установить полиция, установил поп.

В 1819 г. в Симбирском остроге находились в заключении пятнадцать крестьян, обвиняемых в убийстве своего барина помещика Змейкина. Несмотря на пытки и истязания, никто

из заключенных, закованных в ручные и ножные кандалы, не назвал убийц. Все попытки следователей были тщетны. Тогда пригласили попа Похвалинского, который «на духу» перед образами добился от одного из арестованных имени убийцы.

К арестованным революционерам-декабристам, участникам восстания 1825 года, Николаем I посылались попы с целью шпионажа. Протопоп Казанского собора Петр Мысловский посещал Петропавловскую крепость, чтобы вынудить новые показания у декабристов. Больной декабрист М. А. Бестужев,

Рис. 10. Исповедь в тюрьме. С картины художника И. Репина. К революционеру, осужденному на смерть, приходит поп лицемерно преподать ему религиозное утешение

находившийся в Петропавловской крепости, рассказывает, как протопоп Мысловский пытался его исповедывать: «Начинайте, батюшка, я готов, — сказал я ему, приготавливаясь перед смертью исповедывать свои земные грехи, все же тщетно слясь подняться с постели. — Не беспокойтесь, лежите, — сказал он, садясь подле кровати и вынимая бумагу и карандаш. — Вам будет покойнее так отвечать на вопросные пункты». Возмущенный Бестужев предложил попу-провокатору немедленно покинуть каземат.

«— Итак, вы не хотите мне отвечать?

— Не хочу, да и не могу, — меня уже и без вас допрашивали.

— Жалею о тебе, сын мой, — продолжал он, встав и покачивая своей седой головой, — жалею».

В 1861 г. по подозрению в составлении «возмутительного воззвания» «К молодому поколению» был арестован литератор М. Л. Михайлов. Он не назвал автора воззвания Н. В. Шелгунова. В помощь жандармам был приглашен протоиерей крепостного Петропавловского собора Михаил Архангельский, который задавал Михайлову вопросы исключительно о его деле, расспрашивал, не скрывал ли он имени сообщника, не сговаривался ли с друзьями о побеге, и т. п. «грехах».

А. И. Герцен в своих воспоминаниях «Былое и думы» рассказывает, как его после ареста во время допроса пытался «исповедать» поп Георгий Соколов. «Тут только я разглядел, что в углу сидел старый священник, с седой бородой и красно-синим лицом... протяжным голосом и несколько нараспев начал он меня увещевать; толковал и о грехе утаивать истину перед лицами, назначенными царем, и о бесполезности такой неоткровенности, взяв во внимание всеслышающее ухо божие; он не забыл даже сослаться на вечные тексты, что «нет власти, аще не от бога» и «кесарю — кесарево». Но все эти попытки попа не дали никакого результата. Герцен не поддался провокации жандарма в рясе.

Революционеры благодаря своей стойкости и атеизму очень редко становились жертвами поповских волков в овечьей шкуре.

Когда к писателю Д. И. Писареву, заключенному в Петропавловскую крепость, пришел для исповеди протопоп Полисадов, то он его выгнал из камеры и бросил за ним вдогонку по коридору книгу. Революционеры, отошедшие от религии, не исполняли в тюрьме поповских обрядов, отказывались от шпионской исповеди.

Царизм издевался и в последние часы их жизни над приговоренными к казни революционерами, борцами за благо народа. В камеру к «смертникам» присылали для исповеди попа, который должен был исповедывать и напутствовать приговоренного. Революционеры, осужденные на смерть, отказывались принять духовенство.

Пролетарские революционеры-большевики мужественно и с презрением отказывались от услуг исповедников-жандармов в рясах, инсценировавших комедию, именуемую таинством покаяния.

Партия большевиков умела на конкретных примерах разоблачать роль попов как палачей в рясах. В июне 1903 г. в тюрьме «Кресты» с молчаливого согласия попа произошло зверское избиение политических заключенных. Петербургская организация большевиков откликнулась на это двумя листовками,

призывая к протесту. Описывая чудовищные истязания в тюрьме, листовки заклеили гнусное поведение тюремного попа.

В листовке рассказывается: «...В камеру ворвалось человек 15 надзирателей... Меня били ногами, сорвали верхнюю одежду, связали веревкой и окровавленного потащили за ноги по полу в подвальный этаж. Другого заключенного, связанного и всего в крови, прямо спихнули с лестницы, и, при падении с этажа на этаж, он переломил себе ноги. Одного рабочего еврея (Каплан) нарочно били по животу, чтобы отбить внутренности, и во время избиения страшно издевались над ним. Волосы становятся дыбом, когда подумаешь об этом диком побоище, об изувеченных людях, о белье, буквально вымоченном в крови, о лицах и телах, представляющих сплошные раны, о вырванных клочьях волос из бороды и головы. А тюремный инспектор стоял в середине этой бойни и угрожающе говорил каждому: «помни, что тебя не били». Тут же стоял и служитель Христа—тюремный священник, молча созерцал кровавую картину... Такова трагедия, разыгравшаяся в «Крестах», таковы зверства русских палачей и тюремного инспектора Брауна, и помощника начальника полковника Никольского, и священника, и надзирателей... Тюреммы превратились в средневековые застенки инквизиции...». В большевистской листовке доказывалось, что «богоданное правительство» с благословения попов было способно на любую гнусность, чтобы удержать власть в своих окровавленных руках.

Золотой крест православия сиял не только над главами церквей, но и над мрачными тюрьмами и крепостными казематами, этим же крестом священник благословлял палача, который вздергивал на виселицу лучших сынов народа.

Рис. 11. Исповедь в тюрьме. Английская гравюра XVII в. Мнимым облегчением для заключенного являлась исповедь, на которой поп выводывал интересовавшие его сведения

ИСПОВЕДЬ НА СЛУЖБЕ ИНОСТРАННЫХ БУРЖУАЗНЫХ РАЗВЕДОК

В капиталистических странах вера в бога используется как огнетушитель против революционного движения народных масс. «Где десять жандармов не справятся с народным волнением, — сказал некий откровенный поп, — пошлите одного священника и он их успокоит».

В странах капитала среди различных способов религиозного воздействия на верующих большую роль играет исповедь. В бывшей панской Польше исповедь была обязательна для каждого христианина. Там во многих воеводствах для получения работы надо было иметь свидетельство ксендза о совершении исповеди.

Как только духовенство не использует исповедь! Духовники на исповеди советуют женам отказываться в ласках мужьям, если те не ходят к обедне, не дают отпущения грехов женам забастовщиков или тем, кто не согласен голосовать за кандидатов буржуазных и поповских партий. С помощью исповеди католическое духовенство собирает голоса за своих депутатов.

Во многих капиталистических застенках, где революционерам ломают руки и ноги, жгут калёным железом тело, насилюют женщин, есть исповедники-шпионы.

Во многих тюрьмах Соединенных Штатов и Канады имеются духовники. Там тюремное начальство оплачивает римско-католического патера, протестантского пастора и еврейского раввина.

Чешский писатель Ярослав Хашек блестяще вскрыл сущность исповеди при казни как стремления внушить приговоренному необходимость терпения и покорности. Он писал: «При казни преступников всегда участвует духовник с изображением распятого, точно желая сказать: «Тебе они только отрубают голову, вешают тебя, душат тебя, пускают в тебя 1500 вольт, а что пришлось претерпеть тому?»

Коммунисты отказываются от исповеди у попов. Они разговаривают с духовниками языком польского комсомольца Ботвина. Когда к Ботвину перед смертной казнью пришел для увещания и исповеди раввин, Ботвин его вытолкнул из своей камеры со словами: «Я не раб, религия нужна только рабам».

В 1927 г. американская буржуазия расправилась с двумя революционными пролетариями Сакко и Ванцетти, заведомо ложно обвинив их в убийстве. За несколько часов до казни к Сакко и Ванцетти явился пастор и предложил им исповедаться и покаяться. Сакко заявил попу, что религия освящает все ужасы капитализма, против которого он боролся на свободе, что он враг религии и умрет ее противником, так как всякое

религиозное учение есть орудие капиталистов. Ванцетти также отказался исповедываться и «вернуться к богу». Так поповщина получила пощечину от двух мучеников рабочего класса.

За рубежом излюбленным орудием всех буржуазных разведок является исповедь, так как она дает шпионам удобное средство для получения различных сведений. Американец Р. Роуэн в книге «Разведка и контрразведка» разоблачил роль исповеди в практике буржуазных разведывательных органов. Он писал: «Приходский священник был духовным лицом, пользовавшимся огромным влиянием на своих прихожанок; таким образом церковь располагала прекрасными возможностями проникновения в местные тайны, и сводки местных донесений составляли серьезный разведывательный материал для архиепископов типа Вольсея или Ришелье. Противники церкви всегда утверждали, что исповедь являлась средством секретной службы. Оставив в стороне споры, следует отметить, что до последнего столетия церковь подготовила много блестящих тайных агентов, шпионов и начальников секретных служб. Фушэ, Талейран, Демарэ были в прошлом священниками, которые умели организовать и использовать службу тайной полиции. Кардинал Ришелье имел в своем распоряжении ловкого отца Жозефа дю Трамблей, который с помощью смелых и неразборчивых в средствах агентов раскрыл заговор Сен-Марса, следил за Австрией и ее союзниками, за австрийской королевой во Франции и даже пошел дальше заговорщицы Марии де Роган, герцогини Люинь и Шеврез».

Очень поучительна шпионская деятельность мировой поповщины во время первой империалистической войны 1914 года. Так, например, римский папа Бенедикт XV был фактически обер-шпионом в папской тиаре. Он давал разведывательные задания священникам, посланным в действующую армию, а те с помощью исповеди получали весьма ценные сведения о составе и состоянии армии. Сведения эти собирались по каждой стране у специального кардинала, а затем командованию каждой страны продавались сведения об ее противнике. Таким образом, в Ватикане сосредоточивалась шпионская деятельность всех воюющих стран. Бельгийский епископ Вердые вел шпионаж в пользу Франции. Католические деятели, работая для разных стран, использовали одно и то же оружие — исповедь. Достаточно привести несколько фактов из современной деятельности шпионов в сутанах, чтобы увидеть, как и в наши дни исповедь помогает шпионажу буржуазных разведок.

В 1937 г. в Испании на территории республиканцев была рас-

крыта большая иезуитская организация шпионов, которая, будучи тесно связана с Ватиканом, проводила разведывательную работу в пользу генерала Франко. Отцы иезуиты для шпионажа использовали красивых женщин, монахи собирали шпионские сведения с помощью исповеди, готовяли диверсионные акты, посылали яд для отравления населения Испании, имели свою подпольную радиостанцию и т. д.

Антонио Багамонде в книге «Один год с Кейпо или записки националиста» рассказывает, как в Севилье попы использовали исповедь для выведывания военных тайн у «тех несчастных, которых каждую ночь отбирали для расстрела. Их собирали во дворе комиссариата полиции на улице Хесус дэль Гран Подер. Каждую ночь одна сеньора, рьяная католическая дама, проносила им целые проповеди, убеждая умереть во смирении и добре. Она заканчивала свою речь призывом исповедаться, покаяться в совершенных преступлениях, хотя 90% осужденных даже не знали, за что их арестовали. Несчастные жертвы выслушивали проповедницу в абсолютном молчании. Тот, кто хотел исповедываться, проходил в маленькую комнату напротив. Исповедывали смертников отцы-иезуиты, являющиеся наиболее решительными сторонниками террора. Много раз я видел в комиссариате Хесус дэль Гран Подер, как они входили и выходили из кабинетов с бумагами, разрешая вопросы по своему капризу. Их видели среди жертв, весело шушукующимися с полицейскими. Не проходило дня, чтобы отцы Алонсо и Уриарте не посещали комиссариат полиции. В Кордове сначала исповедывали прямо на кладбище. В легковой машине священника открывали дверцу и устраивали исповедальню. Здесь, перед пикетом палачей, черной ночью, у кладбища, священники предлагали обреченным помощь религии. Однажды после залпа один арестованный бросился бежать. Тяжело раненный, он пытался скрыться в машине священника. Там его добились».

В 1939 г. в городе Лохэкоу, в провинции Хубэй, китайскими властями были арестованы итальянский епископ и священник, оказавшиеся японскими шпионами. Арестованные признались, что для своей шпионской деятельности они использовали исповедь. Во время обыска в местной католической церкви было найдено оружие, патроны, радиопередатчик. Сведения о шпионской деятельности духовенства вызвали большое негодование среди населения города, которое стихийно организовало демонстрацию под лозунгом усиления борьбы с японскими шпионами и предателями родины.

Капиталистическое окружение в своей борьбе с Советским Союзом широко использовало услуги реакционного духовенства. Из прошлой шпионской деятельности православных попов против советской власти достаточно вспомнить бывшего патриарха Тихона, который был связан с английской разведкой и замешан в деле английского шпиона Локкарта. Во время гражданской войны попы использовали исповедь для шпионажа в пользу иностранных интервентов и белогвардейцев. Так, например, в 1920 г. во время борьбы с врангелевцами раненый красноармеец Антон Погорелов попал к белым. На допросе, несмотря на избиения, он отказался отвечать. Тогда к нему послали попа Семена, который на исповеди узнал, что Погорелов доброволец. Красноармейца подвергли жестоким наказаниям. Поп оказался шпионом, по доносам которого было расстреляно 46 человек.

Шпионская диверсионная деятельность некоторой части православных попов не прекратилась и после разгрома белогвардейщины. Церковно-сектантская агентура капиталистических разведок вела бешеную борьбу против всех мероприятий коммунистической партии и советской власти. Церковники и вожаки сектантских общин всячески вредили колхозному строительству, организовывали черный террор против передовых людей советской деревни, создавали контрреволюционные банды для борьбы с колхозным строительством. В 1929—1930 гг. поповщина нередко использовала исповедь, на которой призывала верующих не вступать в колхозы. Известны факты, когда православные попы на исповеди спрашивали, нет ли у исповедующихся знакомых, согласных бороться с социалистическим строительством, и даже выпытывали нужные для шпионажа сведения.

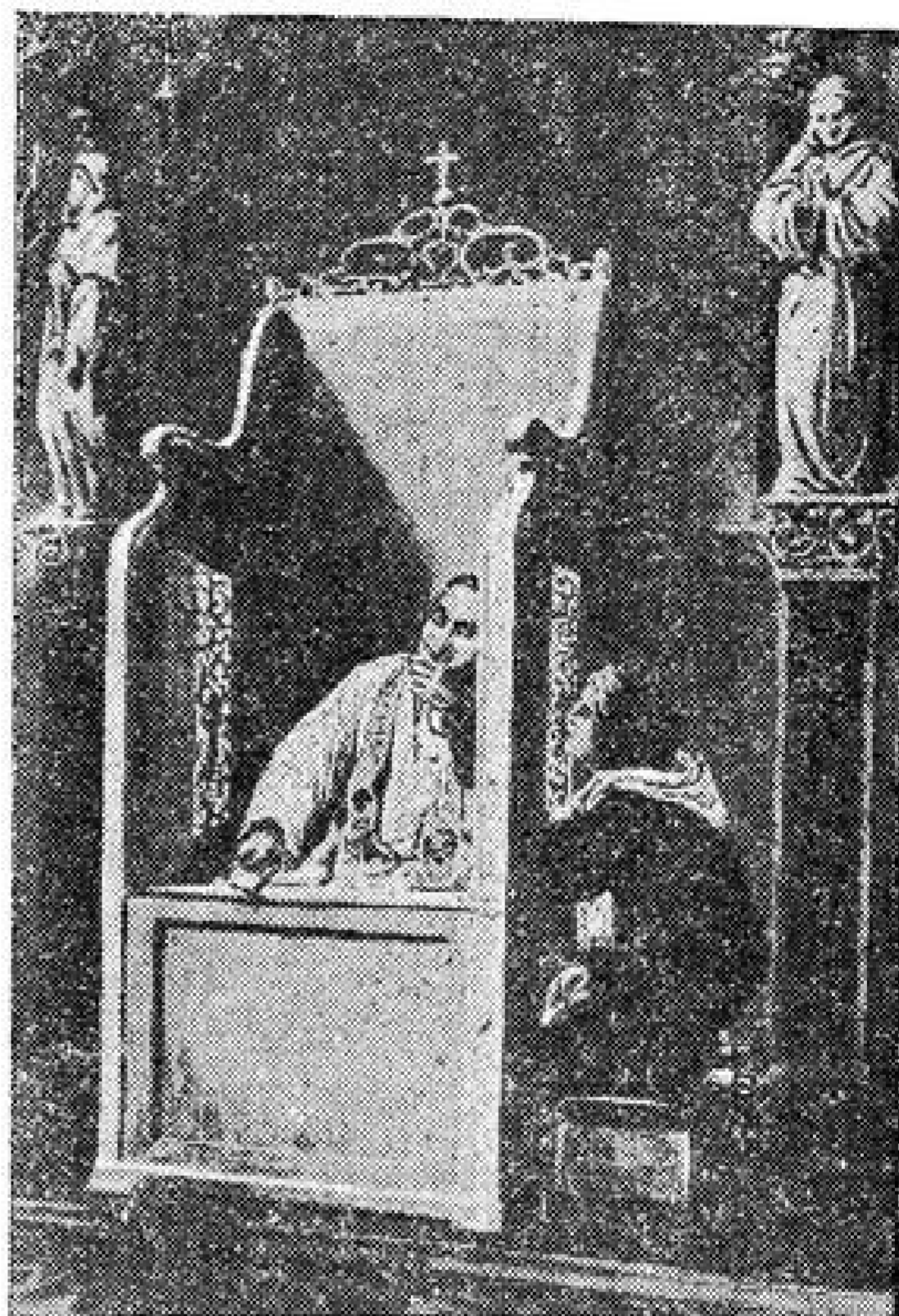

Рис. 12. Католическая исповедь на службе шпионажа. Во время исповеди ксендз собирает шпионские сведения

В мае 1937 г. в Орле была раскрыта контрреволюционная банда церковников. В этой банде из 30 человек был один архиерей, 12 священников, 3 дьякона, 2 бывших монашки, один бывший князь, 3 бывших помещика, 8 в прошлом крупных домовладельцев. Семь человек из этой банды во времена царизма состояли активными членами черносотенного «Союза Михаила Архангела». Шестнадцать человек уже судились при советской власти за контрреволюционную деятельность. Банда ставила своей целью противодействовать всем мероприятиям партии и советской власти и стремилась восстановить в СССР кабалу помещиков и капиталистов. Поп Жданович устроил у себя на квартире исповедальный пункт. Исповедь он превратил в хитро продуманный допрос верующих, причем среди прочих вопросов задавал и такие: «Ваше социальное происхождение, имеете ли связь с границей, отбывали ли ссылку при советской власти?» и т. д. Этими вопросами поп пытался нащупать пути для вербовки кадров в контрреволюционную организацию.

В Средней Азии архиепископ Б. создал в июне 1936 г. шпионскую банду попов, которая на исповеди узнавала, есть ли в семье верующих сын или дочь, работающие на оборонном заводе, а потом пыталась проникнуть в семью. Реакционные сектантские вожаки, так же как и многие руководители других различных религиозных организаций, вели шпионскую деятельность.

В сектах исповедь заменяется покаянием сектантов на собраниях общины, беседы с «духовными наставниками», на которых вожаки сект стремятся получить интересующие их сведения. Обновленцы православной церкви, так же как сектантские вожаки, не пользуются индивидуальной исповедью верующего, прибегая к коллективному покаянию.

Особенно большую шпионскую деятельность в СССР развили католические ксендзы, действовавшие по заданию панской Польши.

15 января 1928 г. в нашей газете «Вісти» было опубликовано письмо группы римско-католического духовенства, в котором ксендзы писали: «Мы очень часто вполне сознательно завязывали отношения с агентами польского буржуазного государства. Некоторая часть духовенства проводила недопустимую для нее антисоветскую деятельность, переправляла людей через границу в Польшу, проводила антисоветскую агитацию и т. д.». Недавно умерший римский папа Пий XI был в 1920 г., во время нападения белополяков на Советскую страну, польским шпионом. В те годы он был папским посланником в Варшаве и, по соглашению с разведывательным отделом польского генерального

штаба, занимался переправой на советскую территорию ксендзов, которые вели шпионаж, устраивали заговоры, провокации, готовили диверсионные акты. В своей подлой деятельности многие католические попы использовали исповедь в качестве ловушки для доверчивых людей. Во время исповеди ксендз тщательно изучал верующего, после чего имел полное представление о его политических убеждениях. Это давало возможность ксендзу выбирать подходящих людей для шпионской работы.

Вот конкретный пример, как несколько лет назад по заданию панской Польши ксендзы создали у нас диверсионную группу для подготовки взрыва одного железнодорожного узла. Ксендз во время исповеди расспрашивал верующих об их работе, о настроениях, о непорядках, нет ли у кого-либо родственников в Польше. Приемами запугивания и обмана ксендз создал из верующих группку шпионов и диверсантов, которая должна была вывести из строя железнодорожный узел, имеющий большое стратегическое значение. Своевременные меры нашей славной разведки помешали банде диверсантов осуществить свои преступные замыслы.

Доблестная Красная армия, освободившая население Западной Белоруссии и Западной Украины от гнета панов и ксендзов, развеяла в прах попытки панской Польши засылать к нам вредителей, шпионов и диверсантов.

Шпионаж, вредительство, диверсия — излюбленные средства руководителей католического духовенства. В своей подлой работе мракобесы всех мастей часто объединяются с злейшими врагами народа — троцкистско-бухаринскими бандитами. Надо помнить, что никому нельзя доверять свои служебные секреты, тем более открывать их на исповеди попам. Тот, кто доверяет их церковникам, совершает тягчайшее преступление перед советским государством, нашим народом и родиной.

Надо свято хранить государственную тайну.

Ротозеи, болтуны и простаки могут принести большой вред. Человек, вольно или невольно разгласивший государственные секреты, выболтавший их шпиону, подлежит суровой каре. Со всей суровостью мы должны отнестись к тем, кто своим болтливым языком облегчает наемникам капиталистического окружения их подлую работу. Пламенный патриотизм советских людей, беспредельная преданность их интересам социалистического государства — самая верная гарантия сохранения наших государственных тайн.

Нужно уметь бороться с агентами международного капитализма, разоблачать и обезвреживать шпионов. Каждый верующий обязан помочь советской разведке выявить попов,

которые стараются узнать на исповеди государственные тайны. Неверно думать, что военные тайны знают только служащие в рядах Красной армии или ответственные работники. Военная тайна может быть известна и домашней хозяйке, если она знает, на каком военном заводе служит и что именно делает ее муж. Даже пенсионеру, который нигде не работает, может быть известно, какие оборонные предприятия находятся в районе, где он живет. Сами того не подозревая, верующие могут стать жертвами шпиона в рясе.

Никакого доверия церковникам и сектантским вожакам!

Необходимо развернуть широкую разъяснительную работу среди верующих, которые еще ходят на исповедь к духовенству.

Товарищ Сталин указывал, что в нашей стране антирелигиозная пропаганда должна «...довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства»¹. Развертывая антирелигиозную пропаганду, нельзя смешивать наше отношение к религии и реакционному духовенству и наше отношение к верующим трудящимся. Если с реакционным духовенством мы вели и будем вести непримиримую борьбу, то верующим трудящимся мы должны разъяснять вред религии и религиозных организаций.

УДЕРЖИВАЕТ ЛИ ИСПОВЕДЬ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Защитники религии утверждают, что исповедь у священника предохраняет от преступлений, но это лишь сказка для улавливания душ.

Чтобы ответить на вопрос, предотвращает ли исповедь преступления, надо вспомнить, что весь механизм исповеди основан на понятии «греха». В классовом обществе грехами являются прежде всего нарушения правил эксплуататорской морали, освященной религией. К. Маркс писал:

«Социальные принципы христианства провозглашают всегнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям»².

Религия приучила обездоленные массы видеть причины своих бедствий не в существовании эксплуататорского общества, а в собственных своих «грехах».

Попы воспитывали народ на том, что «все на свете по грехам людей дается», «по грехам и житие», что все несчастья проис-

---

¹ И. Сталин — Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. Стр. 193.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173.

ходят от грехов, и тем самым пытались обмануть трудящихся, скрывая от них истинных виновников бедствия — помещиков и капиталистов.

Учение о грехе, покаянии, искуплении служило целям отвлечения трудящихся масс от классовой борьбы с эксплуататорами. Попы считали греховными науку, блага человеческой культуры, веселье: «много ума, много греха», «то грешно, что в моду вошло», «в чем смех, в том и грех». В «чине исповедания грехов», изданном в 1917 г., попы объявили грехом «услаждение музыкой», «пристрастие к разного рода играм».

В классовом обществе разные классы по-разному понимают мораль. Если при капитализме фабрикант присваивает себе неоплаченный труд рабочего, то трудящийся считает это грабежом, а фабрикант не видит в этом ничего греховного, полагает, что это его неотъемлемое право. Помещики считали христианским делом обладать тысячами десятин земли, тогда как у народа не было ничего, народ же считал помещичье землевладение «великим грехом». В XVI в. поп Меланхтон, сподвижник Лютера, прямо писал, что грех и преступление, если крестьяне не желают оставаться крепостными. Духовенство считало греховным то, что народ не мог признать «грехом». Так, например, протоиерей Евг. Поповский, написавший «Исповедь отроков и всех вообще. Требник для таинства покаяния», считает грехом «хульную мысль о царе, оскорбление умерших царей, участие в тайных обществах или в явном возмущении». А для рабочего и крестьянина участие в революционном движении было величайшей доблестью и счастьем. Поповский писал, что «грехи — это небережение хозяйского добра и вообще нерадение о пользе хозяев, сговор (стачка) против хозяев» (стр. 116—117), но для рабочих стачка против кровососа-эксплоататора не была «грехом». Религиозная нравственность освящает правила поведения, выгодные эксплуататорам, и объявляет грехом борьбу трудящихся за свое освобождение.

«Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие»¹.

Религиозная нравственность имеет своей основной целью держать эксплуатируемых в покорности игу эксплуататоров.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 419.

Может ли христианская церковь удерживать от преступления, если в летописях истории человечества нет более кровавых и гнусных страниц, чем история господства церкви, ее инквизиционных судов, которые сожгли и замучили сотни тысяч ни в чем не повинных людей? Именем бога благословлялись кровавые войны, грабежи и насилия, именем бога угнетатели расправлялись с восставшими трудящимися. Французский писатель Анри Барбюс сказал, что «никакое слово, никакая цифра никогда не смогут дать представления о зле, которое церковь причинила людям».

Религия не удерживает от преступлений. Московский грабитель Комаров, убивший 39 человек, регулярно ходил молиться в церковь. По данным ученого Марро, из 500 уголовных преступников одной тюрьмы 50% — усердные посетители церкви, 25% посещают ее не регулярно.

Из 28 351 обитателя трех больших английских тюрем только несколько человек объявило себя безбожниками. Профессор Гернет в труде «Моральная статистика» доказал цифрами, что из осужденных за изнасилование первое место занимает духовенство. Можно ли говорить, что исповедь у попов предохраняет от грехов, если во второй половине XIX в. Д. И. Ростиславов установил, что современное ему православное духовенство в 216 раз чаще нарушало благочиние в храме, чем миряне, что на каждые 26 духовных лиц ежегодно один судился за предосудительные поступки. В начале XX в. скандальное поведение «служителей божьих» приняло такие размеры, что потребовалось созвать специальный всероссийский монастырский съезд для обсуждения мер по «поднятию духовной жизни в монастырях». На съезде ставился вопрос о запрещении монахам употреблять спиртные напитки, о наложении на них строжайших взысканий за пьянство и распутство. Однако и после съезда положение не изменилось. Это признал сам обер-прокурор синода, который через год после съезда вынужден был отметить явное неблагополучие в «монашеском благочестии». Накануне февральской буржуазной революции известный мракобес иеромонах Илиодор дал такую характеристику монастырской жизни: «Флорищева пустынь — это не обитель, а дом терпимости». Другой церковник писал, что монастыри отличаются от публичных домов только тем, что монахи и монахини разнузданнее и развратнее. Сами попы часто не верили в спасительность исповеди и других поповских средств борьбы с безнравственностью. Многие в народе сознавали истинную цену исповеди. Старинные народные пословицы отразили отношение к исповеди: «туга мощна, так и смерть не страшна»,

«на исповеди волку велели каяться, а он кричит: «ягненка!», «лиса покаялась — стереги кур».

В буржуазном обществе нищета и темнота трудящихся масс — самый глубокий источник религиозных предрассудков, толкающих верующих к мнимым «целителям душ» — исповедникам. В капиталистическом обществе тупая придавленность человека классовым гнетом, мучительные и тягостные страдания, бессилие в борьбе с эксплуататорами заставляли людей падать ниц перед духовником и просить «отпущения грехов».

Задавленные и замученные рабы помещиков и капиталистов, рабочие и крестьяне шли на исповедь к попу, чтобы получить «облегчение», прибегали к колдовским способам очищения от грехов.

Рабочие и крестьяне жили впроголодь, в нищете, в непосильном, бессмысленном, безрадостном труде, плоды которого доставались эксплуататорам.

Кровью, жизнью лучших сынов своих платил народ за попытки освободиться от гнета эксплуатации, темноты, голода и нищеты. Из дня в день копилась ненависть народа, закипал гнев на поработителей, вспыхивали забастовки и восстания, но эти восстания подавлялись, и трудящиеся возвращались в то же горькое, нищее, страшное существование, пока в тяжелых схватках революционной борьбы пролетариат не выковал своей большевистской партии, грозного и могучего оружия, давшего трудовому народу славную историческую победу.

Великая Октябрьская социалистическая революция разгромила, уничтожила помещиков и капиталистов, обеспечила расцвет нашего многомиллионного многонационального народа. Под руководством коммунистической партии и ее гениального вождя товарища Сталина советский народ осуществил построение социалистического общества и тем самым уничтожил социальные корни религии.

В нашей стране религия существует как пережиток капитализма в сознании людей, пережиток, который преодолевается трудящимися в ходе строительства коммунистического общества. Падает религиозность трудящихся Советского Союза. Так, например, в Артемовском районе (Украина) у попов на исповеди было в 1924 г. 12 825 человек, в 1930 г. — 11 489 человек, в 1934 г. — только 5 187 человек. Молодежь уже почти не бывает на исповеди. Но неверно считать, что сейчас уже никто не исполняет церковного покаяния. В 1936 г. в рабочем районе в селе Фарфоровском под Ленинградом в церкви Спаса Преображения исповедывалось у священника 1 518 человек,

из них 1 407 женщин. В возрасте от 7 до 30 лет исповедывалось 208 человек, от 30 до 50 лет — 432 человека, с 50 до 90 лет — 878 человек. Эти цифры говорят о необходимости усиления антирелигиозной пропаганды.

Некоторые верующие отказались от вмешательства попов в их жизнь, но продолжают считать, что если нет исповеди, то нет и нравственности, людей не «мучает совесть» за совершенный какой-нибудь нечестный поступок. Это неверно. Мы не отрицаем совести и нравственности, но указываем, что они не имеют никакого божественного происхождения, никакой связи с поповскими учениями о грехах и исповеди.

«В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?» — спрашивал В. И. Ленин и отвечал:

«В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы»¹. В классовом обществе у различных классов, имеющих разные убеждения, и понятия о совести разные.

Коммунисты не отрицают нравственности, но она у них другая, чем у буржуазии.

«Когда нам говорят о нравственности, — писал В. И. Ленин, — мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем»².

«Человек — это звучит гордо», — сказал Максим Горький устами одного из своих героев. Да, но только не коленопреклоненный перед попом человек, полный сознания своей греховности и ничтожества — «прах земной», по любимому выражению церковников.

Слово «Человек» звучит гордо только в устах нашего народа, построившего социалистическое общество и освобождающего свою совесть от поповского учения о боге и чорте, о грехе и искуплении. В борьбе за коммунизм нашему счастливому народу не нужны церковное покаяние и поповская исповедь, веками служившая орудием шпионажа и разврата.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 410.

² Там же, стр. 413.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка о том, как лиса исповедывала петуха	3
Возникновение исповеди	7
Правда о католической исповеди	13
Тайны католической исповедальни	20
Исповедь в царской России — государственная повинность	25
Классовая сущность таинства покаяния	29
Исповедь на службе полицейского шпионажа	37
Жандармы в рясах	42
Исповедь на службе иностранных буржуазных разведок	48
Удерживает ли исповедь от преступлений	54
